

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

ДУХОВНЫЙ ХРИСТІАНИНЪ

Сыновъ свободы, поклоняющихся Отцу въ духъ и истинѣ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

АПРѢЛЬ 1907 г.

№ 4-й.

С.-ПЕТЕРБУРЪ.

Типографія А. В. Орлова. В. О., Средній пр., № 6.

1907.

О, любовь святая.

Наше время—въ ранахъ,
Въ нуждахъ бѣдняковъ:
Они между нами
Смотрять изъ угловъ.

Они—наши братья
И все близки намъ;
Они ждутъ объятъ,
Сердцу ждуть бальзамъ;
Ждутъ самарянина
Съ мощною рукой;
Ждутъ христіанина
Съ теплою душой!..

Все наши стремленья
Заняты собой...
Наше-ль утѣшенье
Въ похоти мірской?!..

Христось проповѣдалъ
Гордыми не быть
И намъ заповѣдалъ
Всеѣхъ людей любить!

О, любовь святая!
Святись среди насъ!..
А ты, гордость злая,
Удались тотчасъ!..

Дух. хр. Тим. Гр. Панкратовъ.

Сл. Лѣвокумекое, Ставроп. губ.

О постѣ.

Мнѣ прислали запросъ отъ лица мнѣ извѣстнаго изъ села Разсказова Тамб. губ. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „...какъ нужно понимать о постѣ?

У насъ въ собраніи толкуютъ постъ двояко: одни постъ ставятъ въ обрядовую сторону, уже проходящую, а другіе считаютъ обязательнымъ, т.-е. не вкушать пищи никакой передъ собраніемъ и потомъ идти въ собраніе... такъ вотъ нѣкоторые смотрятъ на это съ презрѣніемъ, будто присоединяются этимъ къ ветхозавѣтному постановленію, но изъ Евангелія видно, что во время апостоловъ оно было, но не какъ постановленіе, а какъ добровольное служеніе, ведущее къ лучшему состоянію чело-вѣка. Такъ не считите за трудъ, напишите отвѣтъ“...

Съ удовольствіемъ отвѣчаю, думая, что этимъ вопросомъ заинтересуются и другіе.

О постѣ ясно сказано въ 58 гл. Исаіи: „вотъ постъ, который я избралъ: разрѣши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенныхъ отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо; раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой, и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого—одѣнь его, и отъ единокровнаго твоего не укрывайся. Тогда откроется, какъ заря, свѣтъ твой, и исцѣленіе твое скоро возрастетъ, и правда твоя пойдетъ предъ тобою, и слава Господня будетъ сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь—и Господь услышитъ, воззоиешь—и онъ скажетъ: вотъ Я! Когда ты удалишь изъ среды твоей ярмо, перестанешь поднимать персть и говорить оскорбительное, и отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца,—тогда свѣтъ твой взойдетъ во тьмѣ, и мракъ твой будетъ какъ полдень; и будетъ Господь вождемъ Твоимъ всегда“...

Вотъ смыслъ и значеніе истиннаго поста, онъ лежитъ въ совершенствованіи личности чело-вѣка и можетъ быть средствомъ, но не дѣлью. Все его значеніе находится въ умѣренности и воздержаніи, будь это пища чело-вѣка, одежда, дѣйствіе и поступокъ или слово и мысль. Во всемъ этомъ долженъ чело-вѣкъ избрать для себя только разумное и если это есть матеріальное какъ пища и одежда, то только не превышая необходимѣйшей потребности и простоты.

По Христу, постъ есть духовное и плотское воздержаніе.

отъ всего вреднаго для плоти и духа. Подъ опредѣленіе вреднаго подходитъ и объяденіе, и пьянство, и развратъ, и любостыжаніе, и роскошь, и ссора, и зависть, и желаніе имѣть то, что уже выше природной и разумной необходимости. Подъ это же опредѣленіе подойдетъ и все прочее, что разумъ человѣка, освѣщенный духомъ Христа, откроетъ вреднымъ и для себя и для другихъ людей.

Все это человѣкъ долженъ дѣлать по убѣжденію, искренно и такъ, чтобы имѣть въ душѣ своей основаніе къ воздержанію, а не по внѣшнему правилу исполнять для показа людямъ вродѣ того, чтобы сегодня ѣсть капусту, а завтра мясо и дѣлать и по отношенію къ пищѣ, какъ главному предмету потребленія разумный выборъ и рѣшить безповоротно, какъ говорить апостолъ: „если пища идетъ во вредъ и для соблазна, то лучше не ѣсть мяса и не пить вина во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата“.

Мы знаемъ, что Христосъ возстановилъ намъ райскіе законы жизни, тѣ законы, которые вышли отъ Бога по благословенію, а не по уступкѣ для человѣческой слабости.

А первый райскій законъ былъ для человѣка только 1) въ послушаніи Богу: *и мѣй владычество надъ всеми змѣями земными, господство, будь выше ихъ*, 2) въ воздержаніи: *не ѣшь съ сего дерева* и 3) въ трудѣ для общей пользы: *воздѣлывай садъ*.

Тутъ же была указана и пища, какая избрана была Богомъ для пользы человѣка и по 1-й главѣ Божія пища эта не мясо убитыхъ животныхъ, а трава, сѣющая сѣмя и древесный плодъ, сѣющій сѣмя; „*вамъ сіе будетъ въ пищу*“ и „*отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть*“.

Поэтому хотя по немощи человѣкъ и не осуждается за то, что ѣсть мясо, но для своей пользы онъ долженъ уразумѣть, что и въ этомъ дѣлѣ Богъ желаетъ отъ него послушанія, но послушанія свободнаго и нелицемѣрнаго, основаннаго на довѣріи къ Его закону и къ Его любви и на высшей разумности показывающей человѣку, что для вмѣщенія въ себя духа Божія онъ долженъ имѣть чистый и нормальный физическій строй своего тѣла, который бы поставленъ былъ въ тѣсную связь съ такимъ же строемъ внѣшняго міра и по питанію.

Поэтому слова: „*вамъ сіе будетъ въ пищу*“, указывая на значеніе человѣку питаться пищею растительной, а не мясомъ животныхъ, имѣютъ высокое нравственное значеніе, сохраняющее его естественную природную связь съ царствомъ растительнымъ

и ставящее человека въ звено цѣпи правильнаго развитія общей жизни на землѣ. Выходитъ такъ, что царство минераловъ, т.-е. земля, непосредственно даетъ питаніе растеніямъ.

Царство растительное служитъ основой питанія для царства животныхъ и въ томъ числѣ человека. Царство животныхъ есть грань, гдѣ съ одной стороны идетъ обратно къ землѣ то, что отъ нея взято, а съ другой, идетъ къ Богу то, что выработалъ духъ и это послѣднее есть сумма, увеличивающая общее благо на землѣ.

Что такой взглядъ, выработанный наблюденіемъ и опытомъ, существовалъ въ глубокой древности доказывается тѣмъ, что въ библіи есть много указаній на предпочтенія пищи растительной противъ пищи животной и что и до сего времени формальные посты тоже раздѣляютъ пищу на два рода, и это же наблюдается и у другихъ народовъ.

Въ библіи сказано, что когда при странствованіи въ пустынѣ Израиль захотѣлъ ѣсть, то Богъ по своему благословенію далъ имъ растительную манну, названную ангельскимъ хлѣбомъ. Когда же Израиль, выйдя изъ умѣренности и воздержанія возропталъ и запросилъ мяса, то мясо дано по ропоту и съ гнѣвомъ, и отъ мяса народъ сталъ болѣть.

Даніиль съ своими друзьями не захотѣлъ питаться мясомъ съ царскаго стола въ Вавилонѣ, а просилъ овощей, какъ они ѣли въ странѣ отцовъ, и Богъ благословилъ ихъ за это мудростью, красотой и мужествомъ.

Ною послѣ потопа даны были законы потребленія мяса, но даны съ большой осторожностью: „только плоти ея, крови ея, съ душею ея, не ѣшьте“.

Моисеемъ также дозволено мясояденіе, но дозволено съ большими ограниченіями и исходило это изъ чувства большой для людей опасности ѣсть всякое мясо. И дано это скорѣе изъ снисхожденія къ слабости и жестокости, на которыхъ уже люди успѣли воспитаться, чѣмъ съ благословенія Господня.

Что такое состояніе въ людяхъ было, и что люди хотѣли оправдать питаніе мясомъ, ссылаясь ложно на законъ Бога, это видно изъ того, что пророки Іеремія и Іезекиль упрекаютъ израильскій народъ за это и говорятъ: „вы говорите: приносите жертвы и ѣшьте мясо, но *Я вамъ этой заповѣди не давалъ, говоритъ Господь*“.

Итакъ, если дѣло касается раздѣленія пищи на вредную и

безвредную, на угодную Богу и на негодную, то сдѣлать это надо не такъ, чтобы въ одно время ѣсть мясо а въ другое не ѣсть, а совсѣмъ лучше оставить мясо и избрать пищу растительную.

Вотъ почему апостоль такъ и говорить, что лучше никогда не ѣсть мяса, если оно служить для соблазна и вреда.

Но это должно быть принято человѣкомъ только тогда, когда онъ пойметъ духовно за истинный постъ воздержаніе отъ всего вреднаго, и когда это будетъ дѣлать для себя, не принуждая другихъ, свободно и не по обряду и для покая, а по внутренней разумной потребности, охраняясь соблазна.

Такъ вотъ, я думаю, что постъ, какъ общее воздержаніе, можетъ распространиться и на пищу, ибо пища есть предметъ перваго потребленія, а потребленіе это должно удовлетворять только голодь, но никакъ не вкусовыя побочныя ощущенія, иногда искусственно раздражаемая для пріятной ѣды при пресыщеніи. Разумность же доказываетъ, что для того лучшая пища растительная, ибо она даетъ легкость тѣлу и ясность душѣ тогда какъ мясо и вино одинаково, хотя и въ разной степени, даютъ тѣлу возбужденіе и слабость, а духу помраченіе.

Распространить же такой постъ какъ воздержаніе необходимо и на всѣ отправления жизни и потребности человѣка, и на одежду, и на слово, и на поступокъ, и на всякое плотское чувство, ибо все это будетъ тогда полезно человѣку и очистить въ немъ и душу, и сердце, и мысли, а отъ такой чистоты придетъ къ человѣку и благо его: здоровье и бодрость и ясность духа.

Вотъ почему Христосъ и сказалъ, что нечестіе изъ людей, т.-е. вредное состояніе духа, изгоняется только постомъ, т.-е. воздержаніемъ и молитвой, т.-е. особенной молитвенной чистотой духа.

И поэтому все, что вредитъ такому состоянію здоровья духа и тѣла человѣка, т.-е. мясо, вино, табакъ, объяденіе, любостыжаніе, гнѣвъ, злорѣчіе, зависть, роскошь, мода, и тому подобное, все это должно быть оставлено во имя истиннаго и постояннаго духовнаго поста и должно быть понимаемо не какъ лишеніе, а какъ дорогое приобрѣтеніе, дающее покой душѣ и большую радость сердцу. Аминь!

Желаю отъ души, чтобы всѣ единомысленные братья обсудили это и приняли къ сердцу и объяснили бы пользу воздержанія для молодыхъ людей, юношей и дѣвицъ, чтобы Го-

сподь даль имъ силы укоренить въ душѣ начала воздержанія и послужить этимъ Господу, ибо молодые сильны и могутъ побѣдить лукаваго, какъ побѣдили его Даниилъ съ друзьями своими семь братьевъ Маккавейскихъ, и сыновья дома Рехавитовъ (Даніила 1 гл. 8—17-я и 10 гл. 3-я; 2 Макк. 7 гл. и Иереміи 35 гл.).

Да поможетъ имъ въ этомъ Богъ!

Ф. А. Желтовъ.

Село Богородское,
Нижегород. губ.

Воспоминаніе о первой могилѣ.

(Посвящается молодому братству).

Давно, очень давно, когда еще не было на землѣ ни одной могилы, ни одной тюрьмы, ни одного нищаго и ни одного солдата, жили на землѣ два богатыхъ землевладѣльца. Какого они были сословія, т.-е. были ли они дворяне, купцы, мѣщане или просто деревенскіе мужики—осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно только, что владѣнія ихъ были обширны и богаты. Ихъ земельные участки простирались отъ одного края земли до другого и были наполнены разнымъ несмѣтнымъ богатствомъ. На одномъ концѣ участковъ лежали непочатыя золотыя россыпи; золото валялось прямо кусками подъ ногами, но хозяева даже и плевать на него не хотѣли. На другомъ—цвѣли апельсиновыя рощи, росли финики, миндаль и, склонивъ долу свои тяжелыя гроздья, зрѣлъ янтарный виноградъ; а посрединѣ владѣній, вскинувъ къ небесамъ свои гордыя верхушки, росли дубы и кедры, разстились безбрежныя ковыльняныя степи, а по степямъ, точно серебро по зеленому бархату, тамъ и здѣсь блестяли безчисленныя озера и рѣки. Участки были окружены съ одной стороны глубокими морями и океанами, а съ другой—высокими хребтами исполинскихъ горъ, увѣнчанныхъ громадами чистѣйшихъ хрустальныхъ льдовъ. По стенамъ бродили огромныя табуны разныхъ породъ лошадей, паслись безчисленныя стада быковъ, верблюдовъ, оленей, златорунныхъ козъ и барановъ. Лѣса были наполнены всевозможной дичью; фазановъ и куропатокъ можно было брать руками сколько угодно; стада гусей, лебедей и утокъ покрывали рѣки и моря и крикъ ихъ заглушалъ шумъ морского прибоя.

Рѣки и озера кишѣли рыбой; стоило только подойти къ берегу, зачерпнуть котломъ воды и въ котель, вмѣстѣ съ водой, попадали тутъ же форели, лососи, усачи и головли,—прямо пѣси котель, ставъ на огонь и вотъ тебѣ готова королевская уха. Участки охранялись двумя бесплатными сторожами, которые, помѣстившись на самое небо, дежурили день и ночь, освѣщая въ то же время всѣ закоулки этихъ огромныхъ владѣній. Бдительны и добросовѣстны были эти сторожа, но ни разу ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ на землѣ ни одного вора. Короче говоря, владѣнія эти были, что называется, полная чаша и, что самое главное, нигдѣ не были заложены и никакихъ за нихъ повинностей и податей ни одной копѣйки не платилось, да и некому было платить, ибо три прекрасныя сестры, царствовавшія въ то время на землѣ и называвшяся Свобода, Равенство и Братство, никакихъ даней на своихъ подданныхъ не налагали. Фамиліи землевладѣльцевъ затерялись гдѣ-то въ архивѣ и остались до сихъ поръ неизвѣстными, но имена ихъ дошли до насъ: одного звали—Кайнъ, а другого—Авель. Кромѣ своихъ помѣстій, эти землевладѣльцы обладали такими сокровищами, которыхъ теперь не найдешь ни у одного царя и короля,—они были свободны, они были равны, они были братья. Въ то время, когда жили эти два богача, не было еще ни капиталистическаго хозяйства, ни аграрнаго (земельнаго) вопроса, не было также и пролетаріевъ (батраковъ) и землевладѣльцы должны были обрабатывать свои участки сами. Нужно сказать, что эти богачи были дѣти одного отца и матери. Дѣтьми еще они спали на одной постели, обѣдали изъ одной миски, учились по одному букварю; вмѣстѣ росли; вмѣстѣ играли и никакихъ другихъ товарищей не имѣли. Они были изъ хорошей семьи и воспитаніе получили хотя домашнее, но одинаково хорошее. Преподавателемъ всѣхъ наукъ и главнымъ образомъ сельскаго хозяйства былъ у нихъ родной отецъ, по имени Адамъ. Этотъ почтенный старецъ самъ получилъ очень тщательное воспитаніе въ земледѣльской академіи, въ Эдемѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи по сельскому хозяйству у самого Господа Бога, бывшаго въ то время единственнымъ Профессоромъ въ этой академіи. Эти лекціи Адамъ передалъ своимъ дѣтямъ и одна изъ нихъ, самая пѣнная, сохранилась и дошла до нашихъ дней ¹⁾. Уроки закона Божія они брали у того же Великаго Профессора Эдемской Ака-

¹⁾ „Въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой“.

деиц. Этотъ старый профессоръ любилъ своихъ учениковъ нѣжной и глубокой любовью, Онъ часто заходилъ посмотриѣть на ихъ житье-бытье и подолгу бесѣдовалъ съ ними. Дурного вліянія эти ученики не могли получить ни откуда, ибо не было не только поблизости, но даже и вдали, ни одного ресторана и кабака, не было ни игорныхъ притоновъ, ни блудныхъ домовъ, ни оперетки, ни балета и никакой мерзости языческой. Однимъ словомъ, все сложилось такъ, что жить бы да поживать, да добра наживать. Но не тутъ-то было: случилась вдругъ страшная, непонятная вещь—одинъ изъ этихъ богачей убилъ другого.

Краткій протоколъ объ этомъ убійствѣ, записанный на вѣчныя времена въ святой библіи (Бытіе 4, 3—5), говоритъ объ этомъ такъ: братья принесли Богу дары; даръ Авеля былъ принятъ, а даръ Каина отвергнутъ. Каину не понравилось это, и онъ пригласилъ брата въ поле, подъ видомъ прогулки и тамъ убилъ его, причемъ свидѣтелемъ убійства былъ только Одинъ Богъ. Больше въ протоколъ объ убійствѣ не сказано ничего, такъ что для насъ остается какъ бы загадкой, какъ это такъ Каинъ вдругъ проникся такой страшной злобой, что рѣшился убить своего единственнаго брата и вмѣстѣ съ тѣмъ друга дѣтства. Какъ это такъ вдругъ могъ озвѣрѣть человѣкъ и осмѣлился первый на землѣ пролить кровь человѣка, съ которымъ въ дѣтствѣ спалъ на одной постели, который, можетъ быть, не разъ обнималъ и цѣловалъ его, дѣлилъ съ нимъ игры и забавы, и ласки отца и матери. Обыкновенно мы видимъ, что люди убиваютъ большею частью отъ голода, отъ жадности, изъ мести, изъ ревности или для того, чтобы послужить Богу (какъ это часто дѣлаютъ теперь) или же, наконецъ, по пьяному дѣлу, или по суду. Каинъ былъ не голоденъ, не пьянъ, не ревновалъ; мстить Авелю было не за что; военно-полевому суду Авель тоже не подлежать, такъ какъ не былъ замѣшанъ ни въ какихъ прокламаціяхъ, ни въ какихъ революціяхъ. Убійству Каинъ нигдѣ не учился, ибо школъ и преподавателей убійства тогда еще не было и сдѣлалъ онъ свое дѣло самоучкой.

Ища отвѣта на этотъ вопросъ и въ жизни и въ св. писаніи, приходится сдѣлать только одно заключеніе, которое до нѣкоторой степени поможетъ разобраться намъ въ причинахъ злобы Каина, а именно: прежде чѣмъ быть злымъ, Каинъ былъ лѣнивъ и лукавъ. Въ св. писаніи мы видимъ, что Саулъ пока трудился и работалъ въ домѣ отца своего, который не разъ поручалъ ему

трудныя дѣла по хозяйству, до тѣхъ поръ онъ былъ смиреннымъ и хорошимъ парнемъ. Но какъ только сталъ онъ царемъ и богачемъ, онъ пересталъ трудиться и предался праздности, лѣни и ненасытному честолюбію и духъ злобы и лукавства тутъ какъ тутъ и съ тѣхъ поръ Саулъ спитъ и видитъ какъ бы убить юнаго народнаго героя Давида; жажда убійства до того обуяла его, что съ нимъ стали случаться припадки сумасшествія и онъ гонялся въ своихъ хоромахъ съ копьемъ за своимъ зятемъ, ни въ чемъ неповиннымъ предъ нимъ. Саулъ это былъ второй Каинъ. Третій Каинъ—это былъ Иуда, который вмѣсто того, чтобы раздѣлять труды, которые несли остальные ученики Господа, пристроился къ денежной кассѣ и кончилъ тѣмъ, что „предалъ кровь неповинную“. Наконецъ, если вспомнимъ притчу о талантахъ, то увидимъ, что злой рабъ, зарывшій въ землю серебро господина своего, былъ прежде всего „рабъ лукавый и лѣнивый“, который не только самъ не хотѣлъ работать, но и не желалъ отдать добро свое „другимъ“, которые трудились. Этотъ рабъ, какъ и всѣ лукавые и лѣнивые рабы, былъ дерзкій, грубый рабъ. Вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей лѣни, онъ начинаетъ оскорблять господина своего: „Я зналъ, что ты человекъ жестокій“. Каинъ такъ же грубитъ и, вмѣсто признанія своего преступленія, нагло отвѣчаетъ Богу: „а что я сторожъ брату моему?“

Вдумайтесь глубже въ притчу о талантахъ и Каинъ встанетъ передъ вами какъ живой. Каинъ ненавидѣлъ трудъ, тотъ самый трудъ, которымъ Господь благословилъ его отца въ тотъ день, когда надѣлилъ землей, заповѣдуя „воздѣлывать и хранить“ ея. Будучи лѣнивъ, онъ скоро сталъ лукавъ и золь и поэтому трудолюбивый жизнерадостный Авель сталъ для него ненавистенъ.

И если мы присмотримся къ окружающей насъ жизни, то увидимъ, что лукавые и лѣнивые люди всегда въ то же время бываютъ и злые люди, люди способные на убійство, носящіе въ нѣдрахъ души своей зародыши убійства. Все трудящееся, все любящее трудъ для такихъ людей ненавистно и рабъ лукавый и лѣнивый никогда не бываетъ и не можетъ быть ни другомъ, ни братомъ для человека труда.

Рабъ лукавый и лѣнивый, Каинъ тяготился своей жизнью, тяготился трудомъ; приговоръ Божій о трудѣ былъ для него проклятіемъ; развлечься, забавиться ему было нечѣмъ, поѣхать въ Парижъ и пораспутничать съ блудницами было нельзя, по-

тому что и самага Парижа-то не было еще, да и денегъ не откуда было взять, ибо земли свои сдать въ аренду онъ не могъ (мужиковъ тогда еще и въ поминѣ не было); даже рюмки водки или осьмушку табаку негдѣ было достать, потому что, несмотря на все богатство ихъ владѣній, кругомъ не было ни одного кабака, ни одной, хотя бы дрянной, лавченки или пивной—прямо хоть ложись умирай съ тоски. А тутъ еще всегда на глазахъ этотъ вѣчно счастливый, вѣчно довольный Авель. Этотъ юноша всей душой полюбилъ трудъ какъ истинное благословеніе Божіе и въ немъ нашелъ свою долю и свое призваніе (Эккл. 2, 10). Съ утра до ночи онъ возился со своими стадами, то подбиралъ родившихся ягнятъ, то стрижка, то покось, то сортировка овецъ—и всюду онъ поспѣвалъ одинъ и несмотря на тяжелый трудъ, несмотря на утомленіе, свѣтлая улыбка почти никогда не слетала съ его загорѣлаго юнаго лица. Возвращаясь вечеромъ съ полей своихъ со стадами, онъ пѣлъ радостные хвалебные гимны Творцу и звонкій голосъ его издалика долеталъ до слуха ожидавшей его матери.

— А вонъ и Авель нашъ идетъ, пора ужинать собирать,—радостно восклицала Ева и выбѣгала навстрѣчу милому сыну.

И не даромъ мать выбѣгала на встрѣчу: каждый день чуткій, любящій Авель приносилъ старикамъ что-нибудь новенькое для утѣшенія, то цвѣтокъ какой-нибудь рѣдкій отыщеть, то птичку съ разноцвѣтными перьями поймаетъ, то звѣрька невиданнаго—и несетъ матери или отцу.

И мать всегда восхищалась подарками сына и при этомъ неизбѣжно вспоминала невозвратное время:

— „Ахъ, ну вотъ точь-въ-точь такія лиліи расцвѣтали каждое утро надъ моимъ изголовьемъ, когда мы жили въ раю! Ахъ, ну вотъ какъ есть такихъ самыхъ канареекъ подарилъ мнѣ Господь въ день нашей свадьбы!“

Отцу онъ дарилъ либо трость какую-нибудь съ затѣйливымъ крючкомъ, либо сотовъ медовыхъ (любилъ ихъ старикъ), а однажды онъ принесъ отцу молодого львенка. Адамъ обрадовался и сталъ кормить его изъ своихъ рукъ въ надеждѣ сдѣлать изъ него послушное животное, но львенокъ, какъ только подросъ, пересталъ повиноваться, началъ часто скалить зубы и выпускать когти. И вспомнилъ тутъ Адамъ минувшіе дни, „когда въ жилищѣ рая блисталъ онъ какъ чистый херувимъ“, когда могучіе львы и страшные тигры цѣлыми десятками лежали послушно у

ногъ его, какъ котята, трепеща его взгляда какъ своего царя и владыки. Тяжело вздохнулъ тутъ старикъ и уронилъ не одну горькую слезу.

Бывало иногда, что между стариками происходили раз-молвки. Начинала обыкновенно Ева. Посмотрить на какой-нибудь цвѣтокъ и начнетъ вспоминать свою молодость въ раю, свой прежній блескъ и славу, когда она, царица рая, упивалась счастьемъ своей чистой, безгрѣшной молодости. Бывало, гдѣ только ступить ея нога, тамъ во мгновение выростали дивные благоуханные цвѣты и слѣдъ ея ногъ какъ будто былъ покрытъ разноцвѣтнымъ узорнымъ ковромъ; навстрѣчу ей неслись неумолкаемые хоры райскихъ пернатыхъ, бѣжали бѣлоснѣжныя козы и стройныя рѣзвыя лани, вспомнить и многое другое, что было тамъ и что вдругъ потеряно было въ одну минуту, вспо-мнить и зальется слезами, плачетъ часъ, плачетъ другой. Больно станеть Адаму глядѣть на слезы своей подруги, подойдетъ и начнетъ утѣшать:

— „Ну довольно, Евочка, перестань дорогая, вѣдь былого, все равно, не вернешь, сама же виновата—зачѣмъ съѣла?..“

— „А ты зачѣмъ оставлялъ меня одну? Былъ бы ты со мною, можетъ быть я и не съѣла, а то ты все съ Богомъ да съ Богомъ, а я все одна да одна—поневоля съѣшь что-нибудь“,—упрекала его Ева.

— „Милая, да вѣдь Господь же Нашъ Отецъ и я долженъ былъ оставаться и съ Нимъ, чтобы научиться какъ вести наше хозяйство, вѣдь мы съ тобою были такъ молоды и неопытны тогда, да и какъ сынъ, я долженъ“.

— „А, значить Онъ былъ для тебя дороже и ближе меня... не ожидала“—перебивала его Ева, разрыдавшись совсѣмъ.

Въ такихъ прискорбныхъ случаяхъ чуткій Авель всегда являлся миротворцемъ между родителями.

Неожиданно онъ появлялся между ними и говорилъ:

— „Папа, мама, перестаньте, родные, ссориться, вѣдь Господь насъ не совсѣмъ еще покинулъ. Много онъ еще оставилъ на землѣ уголковъ такихъ же дивныхъ и прекрасныхъ, какъ остав-ленный вами рай. Осудивъ насъ на изгнаніе, онъ оставилъ намъ силу и способность трудиться. Въ трудъ Онъ вложилъ великую тайну радости и счастье. Трудясь, мы всегда творимъ что-ни-будь новое и тѣмъ самымъ становимся подобными Ему. Трудомъ мы можемъ открывать великія и дивныя тайны творенія его,

трудомъ мы можемъ сдѣлать всю землю прекрасною какъ рай. Не грустите же, дорогіе, и не упрекайте другъ друга. Богъ любить насъ и теперь,—повѣрьте мнѣ, вашему сыну. Слушай, мама, какихъ прекрасныхъ козъ недавно пашель я въ горахъ, я уже успѣлъ приручить одну пару козлятъ; волна ихъ серебриста и мягка, какъ кудри ангеловъ, которыхъ ты видѣла въ раю. Хотите—я покажу вамъ ихъ. И Авель, несмотря на усталость, тотчасъ же мчался къ своимъ стадамъ и приносилъ козлятъ рѣдкой красоты, одѣтыхъ серебристымъ пухомъ вмѣсто шерсти. Прирученныя маленькія животныя прыгали на колѣни, ласкались и выдѣлывали всякія штуки. Глядя на нихъ, старики забывали свою ссору, улыбались, обнимали Авеля, Авель обнималъ ихъ обоихъ и на глазахъ стариковъ, вмѣсто слезъ горя и обиды, начинали блестѣть инныя слезы, слезы благодарности и любви къ Творцу.

— „Милый, милый нашъ Авель, всегда-то онъ насъ примиритъ и утѣшитъ чѣмъ-нибудь“,—говорили они, и примиренные и счастливые возносили благодарственную молитву Господу, даровавшему имъ утѣшеніе и спасеніе въ чадородіи (1 Тимоф. 2, 15).

Таковъ былъ Авель по отношенію къ своимъ родителямъ. Такимъ же любящимъ, прямодушнымъ и чистосердечнымъ онъ былъ и въ отношеніи къ Богу. Все, что онъ дѣлалъ, дѣлалъ съ любовью. Съ любовью и радостью онъ выбралъ изъ стада своихъ самое лучшее, самое драгоценное и понесъ Отцу небесному и въ тотъ роковой день. Заботливыми, привычными къ труду руками онъ соорудилъ высокій жертвенникъ, обложилъ его цвѣтными камешками, увилъ гирляндами полевыхъ цвѣтовъ, положилъ вмѣстѣ съ жертвами душистыхъ смоль и травъ и зажегъ. Взылось къ небу яркое пламя и вмѣстѣ съ пламенемъ вознеслись къ небу чистые помыслы юной прекрасной души. Авель поднималъ свои руки къ небу съ такимъ же довѣріемъ и улыбкой, какъ онъ поднималъ и клалъ ихъ на шею своей матери, когда ребенкомъ сидѣлъ у нея на колѣняхъ.

Въ лицѣ Авеля нашли впервые на землѣ самое лучшее выраженіе *трудъ, молитва и любовь*. Авель—это истинное дитя *свободы, равенства и любви* и вмѣстѣ съ тѣмъ и Божіе дитя.

Совсѣмъ не такъ шли дѣла у Каина. Его земельный душевой надѣлъ былъ также обширенъ, какъ и у Авеля; земля также кипѣла млекоомъ и медомъ и всѣми дарами благами, которые нужно было только *потрудиться* извлечь и собрать въ свое время. Но

трудиться, увы, не хотѣлось. Кое-какъ онъ ковырять черноземную дѣвственную почву и, оскорбленная нерадѣніемъ лѣшница, земля стала родить ему „тернія и волчцы“. Уподобившись, по словамъ Сираха, «калу воловьему» онъ любилъ только одно—полежать и поэтому всегда опаздывалъ съ дѣломъ. Пахать начнеть, когда земля просохла и вывѣтрилась, посеять поздно, уберечь тоже, когда зерно уже осыпалось, возить на гумно начнеть когда хлѣбъ уже станеть гнить отъ дождей, и отъ этого въ то время, когда житницы Авеля полны были всякаго добра. Каинъ еле-еле набираетъ нѣсколько мѣшковъ затхлаго почернѣвшаго зерна, да и то со всякимъ мусоромъ и лебедой. Всякую работу онъ дѣлалъ со стопомъ и охами и съ проклятіемъ. Видя какъ у Авеля все кипитъ въ рукахъ, слыша его радостные хвалебные гимны, онъ начиналъ возбуждаться и приходитъ въ озлобленіе. Въ особенности онъ не могъ выносить, когда отецъ и мать начнутъ журить его, приводить въ примѣръ Авеля и припоминать лекцію Стараго Профессора „въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой“. Душно и тѣсно ему было на землѣ, душно и тѣсно потому, что рядомъ съ нимъ жилъ честный, праведный человекъ, и этотъ человекъ, какъ яркій свѣтильникъ, освѣщалъ Каину его душевное убожество и недуги. При этомъ свѣтильникъ онъ ясно видѣлъ всю паготу своихъ пороковъ и сильнѣе чувствовалъ угрызения совѣсти. Ахъ, какъ хорошо бы было загасить этотъ свѣтильникъ!—думалъ онъ не разъ, и ненависть къ брату все росла и росла и, наконецъ, вырвалась наружу.

Въ тотъ роковой день, когда Авель понесъ свои дары Богу, Каинъ также понесъ свой даръ, но сдѣлалъ это не по влеченію своей души, а исполняя лишь фамильный обычай. Стоная и крихтя, кое-какъ стаскалъ онъ кучу камней, высыпалъ на нее отсырѣвшее зерно, смѣшанное съ мусоромъ и зажегъ; по вмѣсто яркаго пламени повалилъ лишь густой удушливый дымъ и въ то время, когда алтарь Авеля пылалъ яркимъ пламенемъ, алтарь Каина шипѣлъ и трещалъ...

И омрачилось лицо Каина (Бытія 2,5) и тутъ же онъ рѣшилъ совершить свой страшный замыселъ.

И первый разъ на землѣ брызнула кровь человекъ и смерть пожала свою первую жатву. Первая мать на землѣ впервые зарыдала надгробнымъ рыданіемъ надъ трупомъ дѣтища. Впервые вонзился въ грудь земли могильный заступъ, на землѣ выросъ первый могильный холмъ. Первый покойникъ лежалъ подъ этимъ

холмомъ и первый убійца, убійца-самоучка, появился на землѣ, а вѣдь земля была такъ просторна и такъ прекрасна и обильна.

Страшная, потрясающая была минута, друзья мои! Въ эту минуту вспорхнули и улетѣли съ земли на многія тысячелѣтія три прекрасныя сестры—*свобода, равенство и любовь*. Съ этой минуты земля была навсегда отравлена ядомъ убійства и великой скорби, съ этой минуты люди научились убивать другъ друга и потомъ упрочили и распространили дѣло Каина по всему лицу земли и до сихъ поръ стараются возвеличить и прославить еще болѣе это дѣло. Теперь уже рѣдко убиваютъ какъ попало, нѣтъ, теперь вездѣ понастроены огромныя спеціальныя школы убійства; въ этихъ школахъ сильные молодые люди учатся цѣлыми годами какъ убивать вблизи, какъ за 100 саженой, какъ за 200, за версту, за двѣ, за пять и еще далѣе, учатъ какъ убивать пѣшкомъ, какъ верхомъ, какъ на корабляхъ и, наконецъ, какъ изъ-подъ воды, изъ подъ земли и проч. проч.: дѣлу убійства учатся цѣлые десятки милліоновъ людей: нѣкоторые учатся цѣлыми десятками лѣтъ. Но что самое страшное, такъ это то, что школы эти освящены именемъ Бога и чаще всего Его же именемъ освящаются самыя многочисленныя массовыя убійства. Причинъ убійствъ теперь не перечести: убиваютъ изъ-за религіи, политики, національной розни, власти, богатства, убиваютъ изъ-за нищеты, голода, зависти, мести и часто даже по ничтожнымъ причинамъ, просто за „здорово живешь“. И еслибъ Каинъ могъ встать изъ гроба, какъ бы возрадовался и возгордился онъ, увидя, какъ широко, по всему лицу земли, распространилось его дѣло и посѣянное имъ сѣмя смерти принесло безчисленные плоды. Нужно только удивляться, какъ это люди завѣдывающіе убійствами до сихъ поръ не додумались воздвигнуть памятника своему первому учителю на землѣ; вѣроятно это произошло какъ нибудь по разсѣянности, и если не воздвигли сегодня, то воздвигнутъ завтра, вѣдь воздвигнуты же памятники и украшены гробницы и мѣгѣ знаменитыхъ убійцъ, чѣмъ Каинъ напримѣръ Наполеону. Вѣдь еслибъ Каинъ жилъ въ наше время, онъ былъ бы, за свою смѣлость, самое меньшее въ чинѣ полковника, вращался бы въ высшихъ кругахъ, былъ бы съ Наполеономъ на ты, командовалъ бы значительнымъ отрядомъ. Хотя возможно также, что онъ и не пошелъ бы по военной карьерѣ и занялся бы коммерціей, покумился бы съ министрами, сдать бы свои земли мужикамъ рублей по 20 за десятину, а самъ бы занимался казенными подря-

лами и ужъ навѣрно, будучи смѣлымъ и безцеремоннымъ, онъ перебилъ бы подрядъ у Лидваля и *кормилъ бы голодающихъ*. Я говорю такъ потому, что, какъ выше было упомянуто, Каинъ также смѣло умѣлъ лгать, какъ и убивать. Въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ бы даже всѣхъ взяточниковъ, которые развязно заявили предъ лицомъ Россіи, что не брали взятокъ съ Лидваля; Каинъ же, когда его спросилъ Богъ, гдѣ братъ твой Авель, глазомъ не моргнувъ, отвѣтилъ—*не знаю, я не сторожъ ему*. (Бытіе, 2,9).

Итакъ, друзья, размышляя надъ библейской повѣстью о первой могилѣ, мы видимъ, что ложь и убійство родились почти въ одинъ часъ на землѣ, они были близнецы, ранѣе ихъ появилась на землѣ только лѣнь. Эти три сестры связаны тѣсно *двойными* кровными узами, во-первыхъ—онѣ—дѣти одного отца, а во-вторыхъ—черезъ нихъ впервые пролилась на землѣ кровь человека. Со дня убійства Авеля онѣ воцарились на землѣ и заняли мѣсто улетѣвшихъ на небо свободы, равенства и любви. Прошли тысячелѣтія, а эти три сестры все такъ же тѣсно связаны между собою, какъ и въ тотъ страшный день.

Убійствамъ на землѣ давнымъ давно потерявъ счетъ, но самое большее ихъ число до сихъ поръ совершалось изъ-за національной вражды. Въ старину, когда люди послѣ потопа опять стали дѣлать злое въ очахъ Господа (Бытіе 11, 6) они вздумали построить башню до небесъ, чтобы она высилась для грядущихъ поколѣній, какъ памятникъ великой гордыни и тщеславія. Но гордымъ воспротивился Господь и, смѣшавъ языки ихъ, разсыпалъ по лицу земли. Люди раздѣлились на націи и племена и, вмѣсто одной Вавилонской башни, каждая нація стала строить свою башню, башню національнаго культа, превознесеніе одной народности надъ другою. Каждая народность усиливается во что бы то ни стало, чтобы ея башня была выше другихъ и изъ-за этого льется кровь безъ мѣры, безъ конца.

— „Я русский“, потрясая дубиной, вопить членъ „союза русскаго народа“.

— „А я—армянинъ“, гнѣвно выкрикиваетъ членъ „Дашнакцутюна“, размахивая кинжаломъ.

— „А я—полякъ“, стараясь заглушить обоихъ первыхъ, яростно заявляетъ третій и тутъ же грозитъ бомбой въ одной и браунингомъ въ другой рукѣ.

— „А я грузинъ, осетинъ, латышъ, еврей“—спѣшать под-
„духовн. христан.“ 1907. № 4.

черкнуть другіе, при чемъ это раздѣленіе часто доходить до смѣшного, до жалкаго, на примѣръ, часто люди разныхъ націй стараются заставить другого отвѣчать на своемъ языкѣ, а этотъ другой притворяется непонимающимъ и тоже старается заставить сосѣда говорить на своемъ языкѣ и, наконецъ, оба притворяются непонимающими другъ друга и оба горделиво молчать или объясняются жестами. Можно найти тысячи глубоко грустныхъ и смѣшныхъ примѣровъ этого столпотворенія.

Но настоящее столпотвореніе началось съ тѣхъ поръ, когда люди одной народности раздѣлились еще на многія партіи, взаимно враждующія и ненавидящія другъ друга, и кровь полилась съ еще большей силой. Въ этомъ раздѣленіи глубоко прискорбное опять-таки перенелось съ комическимъ (смѣшнымъ). Нѣкоторыя изъ партій провозгласили даже кличъ: нѣсть іудея, нѣсть еллина и какъ будто старались изгнать національную вражду; но такъ какъ этотъ кличъ былъ провозглашенъ не во имя тѣхъ высокихъ цѣлей, во имя которыхъ сказали впервые эти слова апостоль Павелъ (Гал. 3, 28), то и получилась ложь и фальшь. Партіи эти, еще увидѣвъ только во снѣ побѣду надъ врагомъ, уже посиѣшили скорѣе заявить прежде всего, что я іудей, я еллинъ, а я русскій и мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ стали выростать какъ грибы, одна за другой, различныя національныя организаціи, кружки, союзы. Взгляньте только на одинъ Кавказъ и пересчитайте сколько ихъ: русскій союзъ, малороссійскій союзъ, армянскій кружокъ, грузинскій кружокъ, осетинскій кружокъ, кабардинскій и т. д. и т. д., скоро имъ имя будетъ легіонъ. То же самое на сѣверѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ. Но лучше всего приведу выдержку изъ одной кавказской газеты („Баку“, № 11, 1907 г.), которая перепечатала эти свѣдѣнія изъ какой-то другой газеты. Дѣло происходило предъ выборами въ Государственную Думу.

„Какъ сообщаютъ изъ Прибалтійскаго края, тамъ въ настоящее время предвыборную агитацію ведутъ 15 политическихъ партій: 1) социаль-демократы, 2) русскіе и еврейскіе конституціоналисты-демократы, 3) латышскіе прогрессисты, 4) латышскіе демократы, 5) эстонскіе радикалы, 6) латышскіе конституціоналисты-демократы, 7) эстонскіе прогрессисты, 8) латышскій избирательный комитетъ, 9) партія мирнаго обновленія, 10) нѣмецкій либеральный клубъ, 11) нѣмецкая либерально-конституціонная

партія, 12) Балтійская конституціонная партія, 13) курляндская конституціонно-монархическая партія, 14) союз 17-го октября и 15) латышская націоналистическая партія. Двѣ изъ существующихъ въ краѣ партій — анрхисты - коммунисты и социалисты-революціонеры бойкотируютъ Государственную Думу и предвыборной кампаніи не ведутъ“.

Итого 17 партій въ одномъ уголкѣ Россіи. Остается только сказать словами великаго языческаго поэта:

„Сколько ихъ, куда ихъ гонять!..“

Исповѣдуя въ теоріи (на бумагѣ) великій евангельскій принципъ: нѣсть іудея, нѣсть еллина, большинство этихъ партій, точно въ насмѣлку надъ словами апостола, посипѣли прежде всего на практикѣ назваться нѣмцами, латышами, эстонцами, а потомъ ужъ демократами, прогрессистами, радикалами и т. д. Въ виду этого противорѣчія, всѣ такъ называемыя гуманитарныя политико-экономическія ученія не только не уменьшили національной вражды, но даже подлили масла въ огонь и страшная работа Каина закипѣла съ еще большей силой и ожесточеніемъ. Партіи въ свою очередь раздѣлились на фракціи, фракціи—еще на что-то, часто такъ, что своя своихъ не познаша, истребляютъ и губятъ другъ друга и самое грустное, самое ужасное при этомъ то, что всѣ эти дѣленія и дробленія происходятъ во имя любви къ людямъ, къ человѣку, а на самомъ дѣлѣ человѣкъ-то тутъ и забыть, остались только одни платформы и фракціи...

Какъ и отчего это произошло—мы не станемъ здѣсь объяснять, это отняло бы слишкомъ много времени. Наша цѣль пока указать лишь факты и привлечь къ нимъ вниманіе *нашего молодого поколѣнія*.

Въ послѣднее время такъ называемая партійная борьба начала засасывать и *нашу сектантскую молодежь*. Тутъ, конечно, ничего нѣтъ удивительнаго, ибо молодости всегда было, есть и будетъ свойственно любить борьбу и увлекаться ею, въ молодости избытокъ силъ кипитъ и рвется наружу. У римлянъ и грековъ были когда-то конскія ристалища, бѣга, гимнастическія игры, состязанія, теперь нѣчто другое на первый взглядъ куда болѣе серьезное, чѣмъ ристалища, но все это не то, что нужно и къ чему призванъ христіанинъ.

Прежде чѣмъ вступать въ партійную борьбу, слѣдуетъ все-

таки, откинувъ ложный стыдъ и гордость, приложить свое ухо къ глаголамъ вѣчной жизни и послушать, что тамъ.

А тамъ, дорогіе юные друзья, вы услышите вотъ что:

„Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ — подлежитъ суду. А я говорю вамъ, кто скажетъ брату своему безумный, подлежитъ геенѣ огненной...“ (Матѳ. 5, 21).

То-есть, не только не убивай, но и не оскорбляй словомъ. Таковъ завѣтъ, оставленный намъ Учителемъ жизни, побѣдившимъ смерть. Завѣтъ этотъ настолько простъ и ясенъ, что не нуждается ни въ какихъ толкованіяхъ. Его можно принимать или не принимать, это, конечно, дѣло совѣсти каждаго, но сдѣлать изъ него какой-нибудь другой выводъ или толкованіе, кромѣ того, что всякое убійство противно Богу, нельзя.

И если этотъ завѣтъ мы считаемъ для себя обязательнымъ, мы не можемъ уже вступать ни въ какія партіи или сообщества, допускающія убійства, хотя бы и во имя Бога или высокихъ идей, ибо въ концѣ концовъ всякое убійство, во имя чего бы то ни было совершонное, можетъ родить только новое убійство, а по-сему христіанинъ никоимъ образомъ не можетъ занять мѣсто въ рядахъ такихъ партій.

Есть партіи, которыя привлекаютъ къ себѣ сердца нашей молодежи тѣмъ, что въ рядахъ этихъ партій она видитъ и осязаетъ высокіе примѣры героизма, мужества и самоотверженія. Люди идутъ на смерть, на истязанія какъ будто бы на брачный пиръ, умираютъ съ пѣснями и улыбками на юныхъ устахъ. Такіе примѣры власти, могучи и заразительны и молодежь не можетъ устоять предъ ними, если не вспомнить, что всегда и во все времена у язычниковъ были примѣры высокаго мужества, безстрашія и самоотверженія. Древніе греки и римляне не только просто умирали, они умѣли умереть артистически за свои убѣжденія. Мужественныхъ Сампсоновъ среди язычества было и есть очень много. Къ величайшему стыду и позору насъ, христіанъ, мы уже не умѣемъ умереть такъ, какъ умираютъ язычники. Мы трусливо, затыкаемъ свои уши предъ словами: „не бойтесь убивающихъ тѣло“ и примѣры христіанскаго мужества, столь обыкновеннаго въ первые вѣка христіанства, среди насъ, увы, мало, даже совсѣмъ почти не видно. Отъ этого-то за примѣрами мужества и наша молодежь стала обращаться къ язычеству. Прискорбнаго въ томъ, что наша молодежь ищетъ эти примѣры у язычниковъ, конечно, не только нѣтъ, но даже слѣ-

дуетъ радоваться тому, что она все-таки ищетъ этихъ примѣровъ. Но только не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что мы можемъ и должны учиться у язычниковъ, какъ нужно умирать за свои убѣжденія, но никоимъ образомъ мы не должны учиться *умерщвлять* во имя своихъ убѣждений. Точно также мы не можемъ учиться и жить какъ язычники. Въ этомъ отношеніи у насъ долженъ остаться одинъ Учитель и Наставникъ-Христосъ и главными нашими учебниками жизни могутъ быть только Библия и Новый Заветъ.

Въ послѣднее время стало также замѣтно *стремленіе нашей молодежи* вступать въ борьбу со старцами, имѣя въ виду ихъ неприязненное отношеніе къ современной цивилизации. Какъ извѣстно, старцы наши питаютъ настолько сильное отвращеніе къ язычеству, что отмежевались даже отъ него въ одеждѣ и пищѣ, поставивъ на этой межѣ множество запретныхъ столбовъ (свинина, водка, бранобритіе, театры, музыка, карты и пр.); въ этомъ отношеніи они иногда доходили до крайности, отрицая науку и искусства. Юные горячіе борцы сочли это за фанатизмъ и бросились съ ожесточеніемъ валить всѣ запретные столбы, видя въ этомъ высокій подвигъ и благородство. Но юнцы хватили черезъ край гораздо болѣе, чѣмъ старцы. Мнѣ извѣстенъ одинъ юнецъ, который нашелъ, что запрещеніе въ пищу свинины есть порокъ и позоръ для нашего братства и, чтобы снять это „пятно“ съ молоканства, онъ принялся со рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, поглощать свинину и смывать съ братства это „пятно“ пивомъ и водкой. Ожесточеніе его въ этомъ отношеніи настолько велико, что, глядя на него, можно подумать, что онъ рѣшился поглотить всѣхъ и тѣхъ свиней, которыхъ могли бы съѣсть его предки и тѣмъ искупить ихъ „вину“. Другіе обрѣли землю обтраванную въ танцклассахъ, демонстративно закурили папирсы или взялись за карты и т. п. фрукты. И все это дѣлается съ такимъ видомъ, какъ будто они выбрали изъ языческаго обихода самое лучшее, самое отмѣнное, утверждая при этомъ, что этимъ они ведутъ со старцами серьезную прогрессивную борьбу. Конечно, никакой христіанинъ не можетъ пожелать такой молодежи побѣды и одолѣнія надъ старцами, ибо прогрессъ этого вида очень и очень напоминаетъ евангельское бревно. Къ счастью молодого братства, не вся, и далеко не вся, папа молодежь занята смываніемъ „пятенъ“ виномъ и пивомъ. Болѣе серьезная молодежь предъявляетъ къ старцамъ и болѣе серьезное обви-

неніе въ томъ, что старцы не признають пользы языческой науки и культуры. Но тутъ опять-таки происходитъ чаще всего печальное недораазумѣніе. Старцы, видя, что въ современномъ языческомъ мірѣ, несмотря на всѣ завоеванія науки, число убійствъ и всякаго вида насилія не только не уменьшилось, но даже увеличилось, инстинктивно (чутьемъ), но глубоко убѣждены въ томъ, что съ языческимъ прогрессомъ что-то не совсѣмъ благополучно и *поэтому, только поэтому*, отрицають огуломъ всю науку и культуру. Молодежь же глубоко убѣждена въ томъ, что все зло царитъ на свѣтѣ только потому, что старцы всѣхъ странъ и всѣхъ временъ всегда противились наукъ и прогрессу. Отсюда взаимное горькое непониманіе другъ друга, несогласіе и въ концѣ концовъ взаимная вражда и раздѣленіе на партіи. Правда, этихъ партій пока еще не семнадцать, но уже нѣсколько есть; радоваться этому раздѣленію, во всякомъ случаѣ, при нашей общей малочисленности, не приходится. Не приходится также и поощрять этого вида борьбу, ибо въ концѣ концовъ изъ нея можетъ получиться только семнадцать партій. Доказать старцамъ пользу прогресса все равно не докажешь, убѣдить ихъ въ этомъ не убѣдишь, а только возстановишь противъ себя и вмѣсто того, чтобы разбить нѣкоторыя суевѣрія, еще болѣе выкуешь и укрѣпишь ихъ. Борьба эта безплодна, да и недостойна учениковъ евангелія. Стариковъ нужно оставить пока въ покоѣ, во-первыхъ потому, что не всѣ ужъ они такіе лютые злодѣи, чтобы стоило объявлять имъ серьезную войну, а во-вторыхъ—многіе еще изъ нихъ *носятъ язвы Господа на тѣлѣ своемъ*, такъ на крайнемъ югѣ Россіи встрѣчаются еще старички, у которыхъ вы можете видѣть и осязать слѣды язвъ на рукахъ и ногахъ отъ кандаловъ за имя Христово. Такіе живые свидѣтели и участники бывшихъ страданій, говорю я, еще живы и я могъ бы назвать нѣкоторыхъ изъ нихъ, но чтя ихъ чувство скромности и смиренія, я этого не сдѣлаю, ибо они изъ тѣхъ, что „не пріемлютъ славы челоуѣка паче славы Божіей“. Такъ вотъ ради такихъ-то людей Господь однажды сказалъ, что если найду десять и тогда *не погублю града* (Бытіе 18, 32), а посему, дорогие друзья, воздержимся и мы отъ разрушенія града. Постараемся лучше глубже вникнуть и понять, почему именно такъ сильно у нашихъ старцевъ отвращеніе ко всему языческому, отвращеніе это иногда доходитъ до мелочей, до курьезовъ и кажется смѣшнымъ, но, когда вы поймете его источ-

никъ, то, я увѣренъ легкомысленная улыбка сбѣжитъ съ вашихъ устъ...

Заканчивая мои воспоминанія, я вовсе далеку отъ мысли утверждать, что сектантская молодежь вообще, а духовно-христіанская въ частности, не должна вести никакой борьбы. Это было бы непростительнымъ преступленіемъ съ моей стороны. Напротивъ, сектантская молодежь должна и обязана бороться, какъ боролся и борется всегда всякій ученикъ Евангелія. Но борьба христіанина—не національная борьба и не партійная, не противъ „крови и плоти“, а совсѣмъ другая, это борьба съ язычествомъ. Язычество было исконнымъ врагомъ христіанства, врагомъ остается оно и нынѣ, врагомъ будетъ и впредь, дондеже не придетъ день Господень. Формы язычества и названія его мѣнялись много разъ, но сущность его какъ была, такъ и есть враждебна христіанству. Язычество и христіанство все тѣ же непримиримые враги, какъ и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и можетъ быть еще долгое время останутся тѣми же врагами и впередъ, до тѣхъ поръ, пока одно изъ этихъ міросозерцаній окончательно не восторжествуетъ надъ другимъ. Глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, что язычество отжило свой вѣкъ и ему ужъ нѣтъ болѣе возврата. Нѣтъ, язычество живетъ и властвуетъ на землѣ также, какъ и въ дни Вааловъ и Астартъ, только формы его стали иными и болѣе разнообразными, чѣмъ въ древности. Эти формы очень часто носятъ христіанскія названія и язычество въ широкихъ размѣрахъ фигурируетъ теперь по лицу земли подъ именемъ „христіанства“. Оно не только властвуетъ надъ окружающими насъ „хананеями“, „ферезеями“ и „іевусеями“, оно вплелось и опутало многими различными сѣтями и насъ самихъ, такъ что часто мы не можемъ различить гдѣ кончается языческое и начинается христіанское.

Наше братство за послѣднія 30—40 лѣтъ густо поросло терніемъ язычества и нашимъ молодымъ силамъ на первыхъ порахъ приходится вести борьбу только оборонительную, хотя завѣтной нашей мечтой и связующей насъ силой должна быть всетаки борьба наступательная. Моментъ, который мы переживаемъ теперь, есть великій историческій моментъ. Передъ нашими глазами схватились и борются смертельной схваткой два языческихъ міра—старый и новый. Люди стараго языческаго міра поклонялись и служили всему, елика суть на небеси горѣ, елика на земли низу и елика въ водахъ подъ землею; люди же новаго языческаго культа отвергли всѣхъ старыхъ безчисленныхъ боговъ и на

мѣсто ихъ поставили человѣка и современное идолопоклонство есть самопоклоненіе человѣка. „Человѣкъ есть все и все для человѣка“—вотъ символъ вѣры нынѣшняго новаго язычества. На нашихъ глазахъ совершается величайшая трагедія *истребленія беззаконія беззаконіемъ*, о которомъ когда то упомянулъ Спаситель, и поэтому мы должны быть особенно внимательны къ этой минутѣ. Для христіанина это благопріятная минута и онъ долженъ быть теперь особенно бдителенъ и имѣть оружіе въ *правой и левой рукѣ*, чтобы съ одинаковой силой поражать старое и новое язычество. Но для этого мы должны прежде всего сами очиститься отъ всего языческаго, которое видимо и невидимо различными путями всосалось и проникло въ нашу сектантскую жизнь.

Необходимо повторить, что современные лучшіе языческіе герои умѣютъ красиво говорить, красиво умирать какъ за себя, такъ и для другихъ, но очень мало и даже совсѣмъ нѣтъ изъ нихъ, кто умѣлъ бы и красиво жить для другихъ. Умереть за другихъ язычниковъ сумѣетъ, хотя не всякій конечно, но жить безъ услугъ другихъ, безъ труда другихъ, безъ помощи другихъ изъ нихъ умѣютъ очень немногіе.

И вотъ въ этомъ то вся разница между героемъ язычникомъ и героемъ христіаниномъ. Это то и слѣдуетъ и запомнить молодымъ братьямъ. Первая школа христіанина—это не прибѣгать къ помощи труда другихъ для своего существованія, а жить, по слову апостола, „дѣлая всегда все самъ“ и не обременяя другихъ. Теперь въ наше время нерѣдко встрѣтить героевъ, которые готовы въ огонь и въ воду за свои убѣжденія, но своими руками не умѣющіе ровно ничего сдѣлать и не дай Богъ, если у такого героя осыпятся какъ нибудь пуговицы у штановъ и если нѣтъ возлѣ заботливой руки, которая бы ихъ пришила на свое мѣсто,—сдѣлать такой воинъ на мели и прощай тогда всѣ благіе порывы.

Итакъ, первая задача, первое условіе борьбы съ язычествомъ это не жить за счетъ другихъ, умѣть трудиться и любить трудиться и быть въ этомъ всегда подобнымъ Авелю, твердо памятуя при этомъ, что какъ бы люди не перестраивали свою жизнь, какія бы новыя формы общежитія они ни придумали, а трудиться всегда будетъ необходимо, ибо тѣло наше всегда будетъ такимъ же бrenнымъ, какъ и нынѣ и нуждаться въ пищѣ и одеждѣ. Язычники стараго міра старались другихъ заставить трудиться за себя, язычники новаго міра стараются

найти способы, чтобы всё люди какъ можно менѣе трудились и дѣлали бы только „приятное“. Мы же должны стремиться къ тому, чтобы *всѣ* люди болѣе трудились и не надъ „приятнымъ“, а *надъ полезнымъ*, что очень рѣдко бываетъ совмѣстимо съ приятнымъ.

О томъ, что такое *язычество* вообще, въ чемъ его сила и чѣмъ оно опасно для насъ, мы, если то Богу будетъ угодно, поговоримъ въ слѣдующихъ нашихъ статьяхъ.

А пока мы призываемъ молодыхъ братьевъ, разсѣянныхъ всюду, скликнуться и соединиться для борьбы съ язычествомъ, учесть свои и вражескія силы и быть готовымъ на брань. И если только наше молодое братство начнетъ серьезно готовиться на брань съ язычествомъ то я глубоко убѣжденъ, что и многіе старцы, теперь такъ кото смотрящіе на васъ, *увидятъ добрыя дѣла ваши и прославятъ Отца Небеснаго, благословеніе Котораго да будетъ съ вами.*

Земнородный.

25 марта 1907 года.

Тайное новое евангеліе или завѣтъ Духа Святого

старцевъ „общихъ“ духовныхъ христіанъ.

Возлюбленный по духу и истинѣ братъ, у меня есть душевное желаніе написать Вамъ о нашихъ старцахъ „общихъ“ духовныхъ христіанахъ и объ ихъ тайномъ „новомъ евангеліи“ или „завѣтъ Духа Святаго“. Старецъ нашъ родоначальникъ Михайлъ Акинтьичъ основалъ дѣло Божіе въ Самарской губерніи, тамъ устроили наши старцы общину: примѣръ взяли съ апостоловъ, сложили все имущество вмѣстѣ и стали жить вмѣстѣ. Начальство вѣка сего сослало за это Михайла Акинтьича со многими другими въ Сибирь; иныхъ сослали въ Закавказье. Наши старцы говорили, что по прочествамъ ссылка Михайла Акинтьича была необходима, ибо она была предсказана: онъ долженъ прожить въ ссылкѣ столько-то лѣтъ, а затѣмъ вернется на Кавказъ. Къ нему примѣняли старцы наши слова у пророка Даниила: „князь Михайлъ, который стоитъ о людяхъ своихъ“. А въ Евангеліи отъ Луки есть притча: „нѣкій человекъ добраго рода, отходя въ дальнюю сторону, призвалъ десять рабовъ и далъ имъ таланты.

Этимъ предсказана ссылка Михаила Акинтѣича. Зятья Михаила Акинтѣича были отдадены въ солдаты въ Закавказье, на службѣ были музыкантами; потомъ вышли въ отставку и сильно распространяли понятія наши промезъ другихъ духовныхъ христіанъ на Кавказѣ. Зятья эти называются—„рабы“ Михаила Акинтѣича и они учили по откровенію, что всѣ „общіе“ духовные христіане должны быть собраны въ селеніе Николаевку, Ленкоранскаго уѣзда, Бакинскогo г.; это нашъ Сіонъ, гдѣ, какъ они по откровенію учили, должны жить духовные христіане и ждать своего царя Михаила Акинтѣича. И многіе братья духовные христіане тогда переселились въ Николаевку изъ Воронцовки, Ново-Ивановки, Елизаветпольской губ., Ново-Саратовки и Михайловки, изъ Эриванской губ. селенія Надежды. И установили тогда старцы наши такой *церковный строй*. Церковь у насъ состоитъ изъ двѣнадцати апостоловъ или 12 постоянныхъ членовъ. Члены эти называются разными именами согласно своему служенію въ церкви. Они назывались „старшими“ чинами. Первый чинъ—судья; его дѣло читать и толковать слово Божіе. Второй чинъ—молитвенникъ; его дѣло—молиться. Третій чинъ—жертвенникъ, его дѣло заботиться, чтобы братья приносили жертвы—дары въ церковь и хранить эти жертвы (кассиръ). Четвертый чинъ—распорядитель: по его распоряженію все дѣлается въ церкви и безъ его приказу ничто не начинается въ церкви, ни пѣніе, ни моленіе. Пятый чинъ—видитель: долженъ смотрѣть за всѣми порядками въ церкви, чтобы каждый правильно сидѣлъ или стоялъ, не разговаривалъ, не дремалъ, не вѣшалъ голову, сидѣлъ прямо и даже не плакалъ. Шестой чинъ—словесникъ: онъ говоритъ всему собранію: „привстаньте други!“—когда кто-либо входитъ въ моленный домъ и начинаетъ молиться; онъ же говоритъ собранію: „кланяйтесь други“, когда вошедшій кланяется, окончивъ свою молитву; словесникъ также принимаетъ и выдаетъ обратно шапку и одежду отъ каждаго входящаго и уходящаго. Седьмой, восьмой, девятый и десятый чины суть пѣвцы и называются по голосамъ: первый, второй, третій и четвертый голосъ; изъ нихъ три женщины. Эти двѣнадцать чиновъ имѣютъ помощниковъ; помощники—своихъ помощниковъ и такъ далѣе, такъ что вся церковь состоитъ изъ чиновъ; безъ чина—нѣтъ; старцы наши объясняютъ такое устройство словами: „завѣщеваемъ вамъ, братія, удалиться отъ всякаго брата, безчинно ходящаго“ во 2 посланіи къ фессалоникійцамъ 3—6. Каждому изъ двѣнадцати чиновъ есть опредѣленное мѣсто си-

дѣть, никто не вправѣ занимать ихъ мѣсто; если высшіе чины съѣзжали, то ихъ мѣста занимають низшіе помощники по порядку, а когда приходятъ старшіе, то низшіе уступаютъ имъ занятое мѣсто, такъ что переднія мѣста никогда не пустуютъ, а занимаются низшими. При входѣ первыхъ чиновъ словесникъ въ знакъ особаго почтенія кромѣ: „привстаньте други!“ говоритъ еще собранію: „посторонитесь други!“ Всѣ чины называются также и другими именами: *они суть тѣло Христа*, а тѣло имѣетъ разные члены: глаза, уши, ноги, руки, языкъ и такъ далѣе; даже одинъ членъ называется „стыдъ“. Всѣ эти чины имѣютъ свой текстъ для подтвержденія, на примѣръ, къ молитвеннику примѣняютъ текстъ псалма 78—23: „не забудь гласа молитвенникъ Твоихъ“. Къ чину—распорядителю примѣняются слова: „несите распорядителю“, въ Канѣ Галилейской ев. Иоан. 2,8. Всѣ члены у насъ отъ мала до велика должны изучать свои обязанности, чтобы за отсутствіемъ старшихъ могли исполнять порядокъ служенія. Всѣ заши очень дружно собираются въ собраніе и до окончанія собранія никто не вправѣ уходитъ. Самое главное у насъ *въ богослуженіи* считается судъ, ибо написано: „путь бо Мой есть судъ“. Судъ таковъ: строго слѣдять другъ за другомъ, чтобы кто не пьянствовалъ, не бранился, не лгалъ, не говорилъ неприличныхъ словъ даже противъ животныхъ. Кто замѣтитъ за другимъ проступокъ, сейчасъ доноситъ первымъ чинамъ; такихъ донесеній можетъ оказаться на недѣль нѣсколько одинъ на другого, даже отъ мужа на жену и отъ дѣтей на родителей. Какъ только собраніе собралось, судья беретъ трехъ первыхъ чиновъ и выходитъ изъ собранія подъ лабазъ лѣтомъ, а зимой въ особую комнату и затѣмъ словеснику велятъ позвать по-одиночкѣ, на кого былъ доносъ. Вызовъ дѣлается такъ: словесникъ стоитъ у дверей, скажетъ подъ ухо тихо ближайшему сидящему, тотъ передаетъ слѣдующему и такъ далѣе передаютъ, пока дойдетъ до обвиняемаго и обвиняемый тутъ же выходитъ къ судья. Судья спрашиваетъ: „виновенъ“? если сознается: „виновенъ“, то могутъ простить; если вина большая, то скажутъ не сидѣть на своемъ мѣстѣ и „подъ миръ“, то есть къ святому лобзанію не ходить. Тогда онъ, заходя въ собраніе, становится на такъ называемое мѣсто арестованныхъ или осужденныхъ. Если онъ отрицаетъ свою вину и скажетъ, кто былъ свидѣтель, то вызываютъ и свидѣтелей и обвинителей... Такихъ дѣлъ бываетъ много; съ утра до 12 часовъ два ведутъ разборъ; если поздно, то прекращаютъ и воз-

вращаются въ собраніе. Тогда распорядитель говоритъ: „управились, други! къ моленію“!.. Тогда сейчасъ же скамьи всё разбираютъ и пѣвцы, стоя, поютъ (стоятъ при всякомъ пѣніи). Утренняя молитва полная; пять-шесть разъ становятся на колѣни. Въ послѣобъденномъ собраніи судъ не бываетъ. Молитвенникъ не по своей волѣ молится, а смотря по обстоятельствамъ и по приказанію распорядителя: если распорядитель скажетъ: „два раза, други, на колѣни“, то молитвенникъ уже болѣе двухъ разъ не имѣетъ права молиться. Послѣ моленія совершается святое лобзаніе и пѣніе и собраніе заканчивается. Послѣ послѣдней молитвы никто не трогается съ мѣста, тутъ отдаются приказанія старшими чинами: на примѣръ, судья говоритъ: „имѣйте попеченіе, други, о домашней церкви!“ Молитвенникъ говоритъ: „со грѣхомъ, други, не молитесь!“ Жертвенникъ говоритъ: „имѣйте, други, попеченіе о жертвѣ!“ Или: „кто не хочетъ, други, отдыхать, приходите на учебную.“ „На учебной“ учатся пѣнію и своимъ обязанностямъ. Когда всё приказанія отданы, распорядитель говоритъ: „свободны, други!“ и всё расходится; остаются только тѣ, кто должны пересчитать пожертвованныя деньги и записать ихъ.—Если осужденный и отказанный отъ мѣста захочетъ опять занять свое мѣсто на собраніи, то онъ долженъ получить „слезовую“, то есть онъ долженъ выйти на средину собранія, стать на колѣни, плакать и просить о прощеніи. Онъ не можетъ быть прощенъ до тѣхъ поръ, пока все собраніе не заплачетъ, а главное судья: если судья не заплачетъ, онъ долженъ поститься и опять просить слезовую. Ему помогаютъ такъ: поютъ жалобнымъ голосомъ избранный стихъ, дабы заставить плакать всѣхъ. Иногда прощаютъ, но налагаютъ постъ: не ѣсть ничего, рѣшительно ничего 7 дней и больше. Для облегченія поста, продолжающагося болѣе 2-хъ дней приходятъ къ судѣ и просятъ объявить собранію: не желаетъ ли кто принять тяготу брата на основаніи текста: „несите тяготы другъ друга“ Гал. 6,2. Тогда многіе заявляютъ: „я беру одинъ день“.—Очень хорошее установленіе еще слѣдующее: каждый долженъ 10-ю часть отъ своего приобрѣтенія, отъ хлѣба, отъ холста, отъ денегъ принести въ церковную кассу: эти деньги всегда предназначались для своихъ бѣдныхъ, страждущихъ. Всякій получающій пособіе долженъ поститься 4 дня за каждый рубль. Если кому выдается много пособій, то этотъ постъ также предлагаютъ церкви облегчить съ нимъ и каждый беретъ на себя по одному дню поста. Прежде это было строго,

теперь слабѣе наблюдается. Каждый членъ обязательно отъ стараго млада долженъ класть сколько нибудь денегъ, кромѣ десятины на столъ каждое воскресенье утромъ. Никто не имѣетъ права отговариваться неимѣніемъ денегъ; онъ долженъ заявить о неимѣніи; ему выдаютъ изъ церковной кассы рубль и каждое воскресенье онъ долженъ класть по копѣйкѣ, а за рубль долженъ отпоститься 4 дня. — Затѣмъ каждый долженъ строго соблюдать воскресный день: нарушившій воскресный день обязанъ заплатить въ видѣ штрафа 25 копѣекъ или отпоститься 1 день. Поэтому содержатели почтовыхъ станцій, принужденные своимъ занятіемъ нарушать воскресный день, платятъ за каждое воскресенье 25 коп. — Прощеніе даруется судьями на основаніи текста: «кому свяжете, тому будетъ связано, кому простите, тому прощено будетъ», Матѣ. 18,18. Всѣ, получившіе прощеніе отъ судей, находятся въ полной увѣренности, что имъ грѣхи прощены отъ Бога. — Если умираетъ кто либо у насъ, то родные или хозяинъ дома обязаны извѣстить только старшихъ чиновъ; распорядитель назначаетъ тогда пѣвцовъ и чтецовъ дежурить у мертваго днемъ и ночью до погребенія. Имъ назначаются смѣны. Ихъ судятъ, если они это не исполняютъ. Хозяинъ дома долженъ указать скотъ и дать денегъ: они все сами зарѣжутъ, купятъ; хозяинъ сиди только у мертваго. На погребеніе приглашаютъ общество также старшіе чины, а не хозяинъ. Подчиненіе другъ другу чиновъ безукоризненное: младшій чинъ при старшемъ не смѣетъ ни говорить, ни разсуждать. — Старцы наши считаютъ большимъ грѣхомъ употребленіе въ пищу лука („отъ лукаваго“), хмеля и сахара; ничего не ѣдятъ съ лукомъ, а чай пьютъ съ персидскимъ камышевымъ сахаромъ или съ кишмишемъ и хлѣбъ не дѣлаютъ на дрожжахъ, и не ѣдятъ базарный хлѣбъ, а лишь домашній свой. Для отличія отъ другихъ христіанъ мужчины наши обрѣзаютъ себѣ клоки волосъ на лбу. Женщинамъ не позволено дѣлать украшенія на платьяхъ, пришивать ленточки, подвязывать на шею платокъ, перстень, кольца, если кто съ этимъ входитъ въ собраніе, то „Словесникъ“ обрываетъ. Мужчинамъ запрещается имѣть два ряда пуговицъ на жилетахъ. — Общности имущества и женъ теперь нѣтъ, прежде было. У старцевъ нашихъ было и есть много-много разныхъ тайнъ, тайныхъ дѣлъ и тайныхъ сочиненій и толкованій на св. Писаніе и откровеній. Все свящ. Писаніе старцы наши толкуютъ духовно и иносказательно и примѣняютъ его лишь къ право-

славнымъ и къ разнымъ партіямъ духовныхъ христіанъ. Напримѣръ, прежнее небо и прежняя земля (посл. Пет. и Откров.) это прежніе духовные христіане или другіе «молокане», питающіеся лишь молокомъ (буквой св. Писанія), какъ находящіеся въ младенчествѣ и не знающіе высшихъ тайнъ и высшей мудрости. *Новое* небо и *новая земля*, это мы «общіе» духовные христіане, питающіеся не молокомъ, а твердою пищею, то есть разными высшими тайными откровеніями и толкованіями, высшею тайною мудростью, не содержащеюся въ св. Писаніи. У нашихъ старцевъ есть такъ называемое тайное „Новое евангеліе“ или „завѣтъ духа святого“, написанное нашими древними старцами по откровенію. Хранится оно въ великомъ секретѣ. Оно содержитъ разные тайныя наставленія, откровенія и тайныя духовныя толкованія на св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта. Моисей не существовалъ, Моисей есть мысль, море—міръ, фараонъ—дьяволъ; всѣ законы Моисея суть законы не Іеговы, а Молоха; жертвы еврейскія и всѣ обряды еврейскіе считаютъ они за чашу и за трапезу бѣсовскую или Молохову и за ученія бѣсовскія, то есть Молоховы. Чаша и трапеза буквенныхъ и обрядовыхъ христіанъ также бѣсовская и Молохова, ибо происходитъ отъ еврейской чаши и трапезы. Чаша же и трапеза Господня это страданіе за вѣру, а не буквальная чаша и трапеза обрядовыхъ христіанъ. Это „Новое Евангеліе“ или „Завѣтъ Духа Святого“ знаютъ только старцы, а другимъ его не увидать. Старцы многое жгутъ, но «новое евангеліе» берегутъ какъ зѣницу ока. Было разъ въ старину такъ: старцы дали это евангеліе одному писарю переписать для старцевъ; а онъ прочитавъ его на другой день въ трепетѣ ушелъ въ татарскій аулъ, принялъ тамъ магометанство, сдѣлался даже въ родѣ муллы у татаръ и долго смущалъ нашу молодежь приводя на память слова изъ „Завѣта Духа Святого“. Мнѣ попались въ руки нѣсколько рукописей нашихъ старцевъ, но всѣ онѣ были на непонятномъ языкѣ и я ничего не понялъ изъ словъ: бенъ турмакъ, туръ тарлакъ и тому подобное. Это могутъ понять только ангелы: имъ и книги въ руки.

Это тайное „новое евангеліе“ или „Завѣтъ Духа Святого“ существуетъ, говорятъ, въ нѣсколькихъ разныхъ частяхъ или экземплярахъ съ разнымъ содержаніемъ. Мнѣ рассказывали странныя непонятныя таинственныя дѣла. Религіозныя основы, религіозная подкладка всѣхъ этихъ дѣлъ изложена подробно въ тайномъ евангеліи. Кое что я сообщу потомъ. Старцы вѣрили,

что это тайное Новое евангеліе будетъ обнародовано двумя свидѣтелями, которые будутъ облечены большою силою отъ Бога, такъ что даже всѣ цари будутъ покоряться имъ. Эти два свидѣтеля обнаруживаютъ тайное евангеліе тогда, когда явится изъ Сибири изъ ссылки праведный царь Михаилъ Акинтьичъ. Всѣ наши вѣрили, что Михаилъ Акинтьичъ никогда не умретъ и когда возвратится изъ Сибири, то возстановитъ тысячелѣтнее царство и произведетъ судъ, вѣрныхъ „рабовъ“ поставитъ надъ десятию городами, а враговъ своихъ повелитъ избить. У него были двѣ дочери: одна жила съ нимъ въ Сибири, другая потомъ въ с. Николаевкѣ Ленкоран. у. 40 лѣтъ пробылъ Михаилъ Акинтьичъ въ ссылкѣ въ Сибири; наконецъ его выпустили и онъ пріѣхалъ на пароходѣ въ Ленкорань; сюда выѣхали встрѣчать его всѣ николаевскіе и когда пароходъ подходилъ, всѣ пѣли: „Царя со славою узрите“ (Ис. 33) и онъ остановился въ Ленкорани на квартирѣ для отдыха и тутъ всѣ приходили къ нему и исповѣдывали грѣхи свои, говоря, что если кто утаитъ грѣхъ свой, то у того огонь на головѣ загорится. Въ дверяхъ у него стояли швейцары. Я живо припоминаю то время; я былъ тогда еще молодой и пошелъ также на исповѣдь; когда я шелъ къ Михаилу Акинтьичу, то страхъ великій обуялъ меня; но подойдя къ дому, я заглянулъ въ окно и страхъ мой уменьшился, ибо Михаилъ Акинтьичъ показался мнѣ почти обыкновеннымъ человѣкомъ. Я сталъ исповѣдываться и нарочно утаилъ одинъ грѣхъ; но онъ все-таки простилъ меня и хотя у меня огонь на головѣ не загорѣлся, тѣмъ не менѣе я не сталъ сомнѣваться, царь-ли онъ. Изъ Ленкорани Михаилъ Акинтьичъ переѣхалъ въ с. Николаевку и здѣсь началъ строить мельницу вѣзмъ на удивленіе, ибо всѣ его ждали какъ царя съ судомъ, а онъ занялся постройкой мельницы. Старцы приходили къ нему и жаловались: „Михаилъ Акинтьичъ, вѣдь мы ждали тебя съ судомъ, а ты...“—На это онъ отвѣчалъ имъ: „а вы-то къ суду готовы? Я васъ все жалѣю“. При постройкѣ мельницы онъ имѣлъ столкновенія и непріятности съ нѣкоторыми изъ своихъ. Черезъ годъ заболѣлъ; это было на удивленіе старцамъ и старницамъ, которые не хотѣли вѣрить, что онъ можетъ болѣть. Дочь его (онъ былъ богатъ), когда онъ сталъ плохъ, не допускала къ нему никого, говоря, что онъ не позволяетъ. Когда же онъ умеръ и дочь объявила объ этомъ (онъ не сдѣлалъ никакого завѣщанія), никто не хотѣлъ вѣрить въ его смерть, ибо всѣ думали, что онъ возстановитъ 1000-лѣтнее царствіе и совершитъ страшный судъ.

Наши пророки и пророчицы говорили, что мы должны жить въ с. Николаевкѣ 40 лѣтъ, какъ евреи въ пустынь, а потомъ будетъ 1000-лѣтнее царство на подобіе Хаваана. Въ концѣ концовъ Михаила Аминтыча все-таки похоронили; памятника ему не поставили, ибо это у насъ не принято. Между его родственниками было много неприятностей и огорченій изъ-за имѣнія и это поколебало вѣру теперешняго поколѣнія въ правдивость нѣкоторыхъ откровеній.

Таковы вкратцѣ мы, „общіе“ духовные христіане, такова наша жизнь, понятія и порядки. Отсюда видно, что въ молчаливыхъ и загадочныхъ, какъ морское дно, нѣдрахъ духовнаго христіанства скрываются великія тайны, великія мудрыя откровенія и толкованія и глубоко заблуждаются тѣ, кто судитъ о духовномъ христіанствѣ по внѣшности, полагая, что духовное христіанство состоитъ въ томъ, чтобы не ѣсть свиного мяса, не кланяться идоламъ, пѣть псалмы, признавать греческую Троицу, признавать буквальное второе пришествіе и прочее, все по-гречески. Нѣтъ, духовное христіанство заключается не въ этихъ младенческихъ вещахъ („молоко“ младенцевъ), а въ твердой пищѣ, въ томъ, что сокрыто подъ внѣшностью, въ высшихъ тайныхъ мудрыхъ откровеніяхъ духа и разума, болѣе важныхъ и болѣе высшихъ, чѣмъ буква. Есть много партій духовныхъ христіанъ и каждый говоритъ о себѣ: „я—духовный христіанинъ“, „я—духовный христіанинъ“, но увѣ, большею частью заявляющіе о себѣ такъ на самомъ дѣлѣ судятъ по внѣшности, а не по внутреннему содержанию и не знаютъ въ дѣйствительности, что такое истинное духовное христіанство. Будемъ же учиться у нашихъ предковъ, у нашихъ возлюбленныхъ старцевъ, будемъ стараться постигнуть и уразумѣть великія тайны, содержащіяся въ загадочныхъ нѣдрахъ нашего духовнаго христіанства: тайны сіи велики и животворящи и имъ надлежитъ озарить тьму буквеннаго, плотскаго и обрядоваго челоуѣчества... Аминь.

Братъ по духу—Т.

г. Асхабадъ, 13 апрѣля 1907 г.

А. Д. Давыдовъ

Д. Х. № 7. 1907
с. 11

О духовных школах.

В № 1-мъ журнала „Духовный Христианинъ“ за 1906 г. въ статьѣ „Результаты столѣтняго юбилея духовныхъ христіанъ“ въ п. 3. сказано: „Третій результатъ юбилея—заключается въ томъ, что явилось сознание въ необходимости основать духовную школу для подготовки пресвитеровъ и учителей, которые могли-бы преподавать нашимъ дѣтямъ религіозное обученіе“.—А читая далѣе, мы видимъ, что всѣ общины духовныхъ христіанъ на Кавказѣ заходятъ не только возможнымъ, но и необходимо потребнымъ открытіе такой школы, что и видно изъ словъ автора статьи, который говоритъ: „Мысль Воронцовскихъ братьевъ—великодушная мысль, достойная всякой похвалы: намъ нужны теперь подготовленные наставники или духовные учителя, которые могли бы въ реальныхъ училищахъ, въ гимназіяхъ и другихъ школахъ преподавать нашимъ дѣтямъ наше вѣроученіе и вообще религію... Мы получили теперь полную свободу и полные права, такъ что наши духовные учителя получили-бы доступъ во всѣ училища, гдѣ только есть дѣти духовныхъ христіанъ... Но... (?) Теперь, когда мы получили права обучать своихъ дѣтей нашему вѣроученію и религіи, оказывается, что у насъ нѣтъ такихъ учителей. Это насъ ставитъ въ невыгодное положеніе предъ другими вѣроисповѣданіями и посему мысль Воронцовскихъ братьевъ о духовной школѣ заслуживаетъ самой горячей поддержки, и имъ нужно воздать честь и хвалу“...

Такова статья о духовной школѣ. Прочитавъ ее, невозможно задаешья вопросомъ неужели настолько необходима школа пресвитеровъ, что ея организаторамъ приходится воздавать честь и хвалу? Мнѣ кажется, что о подобной школѣ у истинно вѣрующихъ духовныхъ христіанъ не должно быть и рѣчи, потому что всѣ они говорятъ: основа у насъ—Христосъ, а Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ о свободѣ, братствѣ и равенствѣ, и нигдѣ не сказалъ, чтобы люди ставили себѣ духовныхъ учителей, говоря противъ существовавшаго въ то время священства. Основывая духовную школу, выпускающую пресвитеровъ или духовныхъ учителей, намъ для преподаванія необходимо будетъ составить такъ сказать духовно-христіанскій катехизисъ, т. е. изложеніе ученія духовныхъ христіанъ, ихъ богослуженіе, обряды и пр. Составленный такой катехизисъ не будетъ уже истиннымъ ученіемъ

Христа, но будетъ лишь мнѣніемъ или убѣжденіемъ нѣсколькихъ лицъ и такой-то катехизисъ всѣ поступающіе въ школу должны будутъ изучать съ тѣмъ, чтобы по выходѣ преподавать его другимъ. Отступленіе же отъ такого катехизиса будетъ считаться преступленіемъ и кто поручится, что наши ученые пресвитеры, поставленные въ созданную для достиженія этого званія рамку, не предадутъ дерзнувшихъ отступить отъ него анафемъ, подобно тому какъ православная церковь предала и отлучила графа Льва Николаевича Толстого и другихъ. Кто поручится, что наши ученые пресвитеры, впоследствии не вздумаютъ ввести у насъ разные видимые обряды, какъ крещеніе, причащеніе, жесты руками и другое? Кто поручится, что наши ученые пресвитеры не потребуютъ себѣ гарантіи на богослуженіе; что они не потребуютъ впоследствии, чтобы обряды наши совершались только ими, учеными?... Основавъ духовную школу, мы будемъ выпускать изъ нея ученыхъ, имѣющихъ привиллегію пресвитерства, тѣмъ самымъ нарушая одну изъ важнѣйшихъ основъ Іисуса Христа—равенство. отъ которой зависятъ и остальные, а именно: нарушено равенство,—не будетъ и братства, не будетъ братства—нѣтъ и свободы. А что не будетъ равенства—это неопровержимый фактъ; подтвержденіемъ могутъ служить другія исповѣданія, въ которыхъ между пастырями и народомъ существуетъ великая стѣна сознанія своего превосходства, отдѣляющая однихъ отъ другихъ. Да не только у тѣхъ религій, у которыхъ есть пастыри, но присмотримся къ правящимъ сейчасъ нашими собраніями братьямъ и, мнѣ кажется, достаточно будетъ, чтобы понять всю опасность учрежденія духовной школы. Нужно быть далекимъ отъ бѣднѣйшихъ братьевъ, чтобы не сознать, какимъ тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ ляжетъ на нихъ эта школа. Можно заранѣе сказать, что ихъ дѣти не попадутъ въ пресвитеры, потому что имъ не будетъ мѣста, да притомъ они не имѣютъ свободнаго времени, тогда какъ стремящіяся къ славѣ наши богачи, которымъ по всей вѣроятности и потребовалась эта школа, займутъ мѣста для своихъ дѣтей. Дѣти же ихъ займутъ мѣста пресвитерства не по призванію, а лишь потому, что оно выгодно по положенію.—Но посмотримъ на самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ изъ себя духовная школа, организуемая Воронцовскими братьями—духовными христіанами. Просматривая намѣченную программу, мы приходимъ къ заключенію: въ ней есть нѣкоторое сходство съ православными духовными и вообще пастыр-

скими школами всѣхъ исповѣданій, а отсюда: основаніемъ духовной школы мы кладемъ начало *въ средѣ своей священству*. Мы хотимъ завести то, отъ чего отбивались наши предки, за что наши предки были ссылаемы въ Сибирь, заточаемы въ тюрьмы, разлучаемы мужья съ женами, отцы и матери съ дѣтьми. То, изъ-подъ чего наши предки, несмотря ни на какія пытки и мученія, старались выбиться, мы хотимъ возратить ихъ потомкамъ. Наши предки, видя неосновательность православныхъ обрядовъ, чувствуя тяжесть духовенства и помня слова Иисуса Христа: „Ибо Единъ Богъ, Единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками—человѣкъ Христосъ Иисусъ“ (1 посл. Павла къ Тимоф., гл. 2, ст. 5); слыша его призывъ: „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ; возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко“ (Мате. 11 гл., 28—30),—помня всѣ эти слова, наши предки поняли, что имъ не нужны пресвитеры—ходатаи предъ Богомъ (какое громкое призваніе); что они сами непосредственно, по призыву единственного всѣми признаннаго ходатая Иисуса Христа, должны обращаться къ Богу,—отпали отъ правящей православной церкви. Не имѣя пастырей, кромѣ Иисуса Христа, несмотря на гоненія и всевозможныя притѣсненія, они жили свято, благочестиво, въ любви, въ единеніи и были сильны, *за обряды у нихъ совершались всѣми способными братьями...* Такъ жили наши дѣды и прадѣды во время непроницаемаго мрака, висѣвшаго надъ всею многострадальной Россіей, но вотъ настало 17-е апрѣля 1905 г. и чуть замѣтный слабый лучъ проникъ сквозь мракъ къ намъ на землю—это была нѣкоторая терпимость вѣры, а спустя еще 6 мѣсяцевъ лучъ усилился, разсѣялъ мракъ и красное солнышко привѣтливо глянуло на нашу изстрадавшуюся родину—Святую Русь. Этимъ лучемъ былъ манифестъ 17-го октября 1905 г. о свободѣ слова, печати, совѣсти, собраній, союзовъ, неприкосновенности личности и имущества... Сердца людей наполнились весенней теплотою. Свободно вздохнули сыны свободной, обновляющейся Россіи. Давившій до сихъ поръ кошмаръ былъ устраненъ. Всѣ праздновали свободу... Но не все праздновать,—пора и работать. Люди передовые принялись за подготовленіе народнаго правленія, а наши духовные христіане за учрежденіе (хотя мысль о школѣ явилась впередъ, но открываютъ ее въ то время, когда уже дана свобода) *какихъ-то духовныхъ школъ, этихъ расадниковъ*

тунеядства; разсадниковъ самопониманія, гордости, высокомерія. Для чего, вдругъ, онѣ намъ потребовались? Къ чему?—Для совершенія нашихъ духовныхъ нуждъ и требъ, для проповѣдей у насъ есть способные, достойные братья. Для преподаванія въ школахъ? На это считаю необходимымъ замѣтить, что преподаваніе закона Божія въ школахъ не приводитъ ни къ какимъ результатамъ и неблагоотворно дѣйствуетъ на дѣтей, а родительскіе кружки уже сдѣлали постановленія: 1) посѣщеніе богослуженій православными дѣло совѣсти каждаго; 2) религиозное воспитаніе дѣтей возложить на ихъ родителей (Томскъ, Барнаулъ и др.). У каждаго человека свои убѣжденія—говоритъ у насъ одинъ человекъ, и силою вселятъ въ него то, что не допускаетъ его совѣсть—значитъ насильствовать человека. Изъ этихъ короткихъ словъ, постановленій родительскихъ кружковъ и мнѣнія вообще интеллигентнаго класса Россіи можно заключить, что все сознаютъ необходимымъ исключить законъ Божій изъ преподаванія въ школахъ. Да притомъ, просматривая исторію школъ, мы видимъ, что даже и другія націи, какъ напр., Франція, имѣющая духовныя школы, находя ихъ существованіе лишнимъ и вреднымъ, стремятся уничтожить ихъ. А что задумали Воронцовскіе братья? Неужели за это ихъ слѣдуетъ поддерживать и по предложенію автора статьи воздать имъ честь и хвалу?.. Очевидно между Амурскими и Кавказскими духовными христианами существуетъ громадная разница; такъ у насъ въ Благовѣщенскѣ, когда старцы, оспираясь на манифестъ 17 апрѣля 1905 г. хотѣли избрать пастыря и духовный совѣтъ изъ 30 лицъ, то молчавшіе до сихъ поръ молодые люди открыто возстали противъ этого и избавили своихъ дѣтей отъ ига священства. Такимъ образомъ попытка Благовѣщенскихъ старцевъ положить начало церковному священству не удалась и была встрѣчена съ негодованіемъ, тогда какъ, почти такая же попытка, только подъ другимъ именемъ, на Кавказѣ одабривается. Нужно помнить, что все люди-братья, что все мы равны. Мы должны слѣдовать примѣру Иисуса Христа, для Котораго не было ни Эллина, ни Иудея. Не такъ ли поступаемъ мы? Основаніемъ духовной школы не положимъ ли мы начало раздѣленію нашей братіи на классы и сословія, съ особой привилегіей для каждаго класса? Не лучше ли было бы вмѣсто духовной школы открыть побольше школъ не духовныхъ и по возможности безъ преподаванія закона Божія (у насъ въ Благовѣщенскѣ есть уже 3 такихъ) и обязать всехъ родителей пускать дѣтей, безъ различія пола въ школу, т. е. вве-

сти всеобщее образованіе, которое принесетъ несравненно больше пользы, чѣмъ духовныя школы. Тѣмъ же, кто увѣряя, что я хочу разбить это доброе дѣло (?), будетъ говорить: „намъ не нужно составлять Катехизиса“, считаю необходимымъ поставить вопросъ: какъ же они думаютъ преподавать законъ Божій, чтобы знали его всѣ одинаково?.. Съ своей же стороны замѣчу, что законъ Господа нашего Иисуса Христа заключается въ словахъ: „Люби ближняго твоего какъ самого себя и не дѣлай другому то, чего себѣ не желаешь, а для его изученія и исполненія не требуется особыхъ специальныхъ школъ. Итакъ, мой совѣтъ: всеобщее образованіе и тогда русское общество увидитъ въ насъ своихъ друзей и не скажетъ уже, что мы хотимъ возстановить отжившій старый строй жизни. Братья, бросимъ духовныя школы и выступимъ, соединясь, на работу, на поприще народнаго благосостоянія! Пойдемте не медля на помощь бѣдному трудящемуся пролетарію! Покажемъ на самомъ дѣлѣ, а не на словахъ, нашу любовь къ ближнему, нашу любовь и стремленіе къ правдѣ; скорѣе же и тогда всѣ будутъ смотрѣть на насъ какъ на друзей народа; тогда всѣ протянутъ къ намъ свои руки и имя духовныхъ христіанъ будетъ извѣстно не только во всей Россіи, но и за границей. Скорѣе же и плотнѣе встанемъ за *всеобщее народное образованіе* и поможемъ по силамъ нашимъ тѣмъ, которые давно уже работаютъ для этого дѣла! Да отодвинемъ духовныя школы, а выдвинемъ въ первую очередь *Всеобщее образованіе!*..

Ив. Еф. Платоновъ.

г. Благовѣщенскъ
на Амурѣ.

Братскія письма.

Братья и сестры!

Хочу подѣлиться съ вами тѣмъ, что я узналъ изъ чтенія разныхъ хорошихъ книгъ. Вамъ вѣроятно не скоро придется ихъ прочитать, и потому мнѣ хочется разсказать вамъ вкратцѣ о томъ, что въ нихъ написано.

Письмо 1.

О разныхъ вѣрахъ.

Вы всѣ знаете, что Иисусъ Христосъ, который для насъ „и путь, и истина и жизнь“, родился среди Іудеевъ и среди нихъ проповѣдывалъ свое ученіе. Въ евангеліи только одинъ разъ упоминается о томъ, что онъ говорилъ съ Эллинами, т.-е. Греками; но мы ничего не знаемъ о томъ, говорилъ ли онъ когда-нибудь съ людьми другихъ народовъ. Его ученики, апостолы, были всѣ почти изъ іудеевъ и большею частью изъ простыхъ рабочихъ; только одинъ апостоль Павелъ, уже послѣ смерти Христа присоединившійся къ его ученикамъ, былъ ученый, образованный человекъ, знавшій многіе языки и науки. Апостолы стали проповѣдывать ученіе Христа по разнымъ странамъ, но больше ходили на сѣверъ отъ Палестины, въ Малую Азію и на западъ, въ Европу и сѣверную Африку.

Мы ничего не знаемъ о ихъ путешествіяхъ на востокъ и на югъ. Есть преданіе, что апостоль Тома ходилъ въ Индію; но объ этомъ такъ мало извѣстно достовернаго, что лучше объ этомъ и не говорить.

А между тѣмъ на востокъ и на югъ отъ Палестины жили и живутъ многочисленныя племена и народы: индусы, персы, халдеи, китайцы. Они занимали уже во времена Христа обширныя земли въ Азіи и число ихъ надо считать сотнями милліоновъ; но во времена Христа западнымъ народамъ объ ихъ жизни было еще очень мало извѣстно.

Такимъ образомъ христіанство распространилось только среди европейскихъ народовъ: грековъ, римлянъ, славянъ, галловъ, франковъ, испанцевъ, англо-саксовъ и др., да еще между

нѣкоторыми племенами Малой Азіи и Сѣверной Африки. А тѣмъ сотнямъ милліоновъ людей, которые жили и живутъ на востокѣ, христіанство и до сихъ поръ, т.-е. почти черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ смерти Христа—еще очень мало извѣстно.

Но мы знаемъ и по священному писанію, и по нашему разумѣнію, и по опыту жизни, что Богъ есть любовь и что „свѣтъ истинный просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ“ (Іоан. 1, 9).

Могъ ли Богъ оставить безъ свѣта истины въ теченіи столькихъ вѣковъ и тысячелѣтій много милліоновъ людей, рождавшихся и умиравшихъ по Его волѣ? Никто изъ людей, а тѣмъ болѣе изъ христіанъ, знающихъ и любящихъ Бога, какъ Отца своего, не можетъ усумниться въ томъ, что Богъ открылъ и тѣмъ людямъ, не знавшимъ Христа, Свою Истину, хотя и иными путями. И эта увѣренность наша въ благости и справедливости Божіей подтверждается тѣмъ больше, чѣмъ больше мы знакомимся съ нашими далекими братьями.

Путешественники, уже съ давнихъ поръ посѣщавшіе эти страны, узнали, что у каждаго изъ этихъ далекихъ народовъ есть своя вѣра въ Бога, который для наставленія этихъ людей посылалъ имъ пророковъ, подобно пророкамъ израильскимъ, подобно самому Христу. Эти великіе люди, пророки, т.-е. одаренные отъ Бога способностью провидѣть лучшее будущее и призывать людей къ обновленію жизни, къ новому духовному рожденію, проповѣдывали свое ученіе и ученики этихъ великихъ людей, этихъ Богочеловѣковъ, какъ часто называли ихъ, записывали ученія ихъ. И многія изъ книгъ, въ которыхъ оно записано, дошли до насъ и мы можемъ узнать изъ нихъ, какими путями велъ и ведетъ Богъ другіе братскіе намъ народы къ познанію одной вѣчной истины.

Истина одна и вѣчна, а путей къ ней много и не надо думать, что если мы пришли къ ней съ одной стороны, то люди, пришедшіе съ другой—менѣе достойны ея.

Я читалъ эти священныя книги другихъ народовъ и хочу рассказать вамъ о томъ, какъ выражается въ нихъ воля Божія. И вы, увидите, что подъ разными, иногда сначала мало понятными формами, въ нихъ говоритъ одинъ и тотъ же Духъ Божій, нашъ общій Отецъ и это заставитъ васъ проникнуться еще большей любовью къ Нему и къ нашимъ далекимъ братьямъ.

Почти у каждаго изъ этихъ народовъ, исповѣдующихъ

особую религію, т. е. особый завѣтъ со своимъ Богомъ, есть ветхій (старый) завѣтъ и новый. Каждый изъ этихъ народовъ, помнить такое время или знаетъ о немъ по книгамъ, когда люди не знали пощады врагамъ, оскорбившимъ ихъ или повредившимъ имъ; и все они также помнятъ или знаютъ по книгамъ и рассказамъ о такихъ новыхъ учителяхъ и пророкахъ, которые увѣщевали ихъ именемъ Бога оставить этотъ законъ мести и принять новый законъ любви, не только къ ближнимъ своимъ, но и къ врагамъ, прощать обиды и не противиться злу насиліемъ, а стараться побѣждать его добромъ и любовью.

Новые пророки учили также о томъ, что Богъ не требуетъ отъ человѣка обрядовъ, словесныхъ молитвъ и вещественныхъ приношеній, а ждетъ поклоненія Ему въ духѣ и истинѣ и въ чистотѣ сердца человѣческаго. И потому старый законъ этихъ религій такъ же отличается отъ новаго закона, какъ ветхій Моисеевъ законъ отличается отъ новаго закона любви, данного намъ Иисусомъ Христомъ. И потому новые завѣты этихъ далекихъ отъ насъ народовъ болѣе согласны съ духовнымъ закономъ любви Евангельской, чѣмъ согласуется съ нимъ древній обрядовый Іудейскій законъ.

Не для всѣхъ народовъ, думаю я, обязательенъ и полезенъ ветхій Моисеевъ законъ и вообще книги Іудейскія. Когда принимали христіанство люди не Іудейскаго закона, напримѣръ, греки, то они конечно были подготовлены къ принятію Христова ученія не іудейскими пророками, судьями, царями и законами, а своими, греческими. И потому для того, кто хочетъ узнать ветхій завѣтъ греческій, тотъ долженъ читать законы мудрецовъ и пророковъ греческихъ, учившихъ грековъ до христіанской проповѣди. То же можно сказать и о старой вѣрѣ Римской.

Вы все навѣрно испытали радость встрѣчи и общенія съ братьями по вѣрѣ, прежде вамъ неизвѣстными. Радость эта происходитъ отъ того, что человѣкъ, встрѣчая другого независимо отъ него пришедшаго къ той же истинѣ, чувствуетъ сильную поддержку въ немъ и у него разсѣиваются еще оставшіяся сомнѣнія, и та истина, которую онъ считалъ только своею и потому боялся открывать ее людямъ, чтобы не подвергнуться осмѣянію и оскорбленію—становится для него открытой, общечеловѣческой и онъ смѣло начинаетъ исповѣдывать ее предъ людьми и Богомъ.

Кромѣ того, общеніе съ такими раньше незнакомыми братьями

радостно еще и потому, что мы, узнавъ опытъ ихъ жизни, можемъ воспользоваться имъ для своего усовершенствованія.

Знаніе другихъ вѣръ для всякаго человѣка полезно, и радостно еще и потому, что пока онъ не знаетъ другихъ вѣръ, его принадлежность къ той вѣрѣ, въ которой онъ воспитанъ, основана на слѣпомъ довѣрїи къ людямъ, воспитавшимъ его въ этой вѣрѣ. Такъ какъ очень часто, переходя въ сознательный возрастъ, человѣкъ замѣчаетъ, что воспитатели его сами не слѣдуютъ тѣмъ завѣтамъ вѣры, въ которыхъ они его воспитали и сами не вѣрятъ тѣмъ разсказамъ и заповѣдямъ, которые ему внушали, то человѣкъ этотъ перестаетъ вѣрить и, живя безъ всякой нравственной опоры, теряетъ человѣческій образъ. Познакомившись же съ другими вѣрами, человѣкъ можетъ сравнить ихъ и увидать, какая изъ этихъ вѣръ болѣе сродна его душѣ, увидать общечеловѣческія основы всякой вѣры, онъ можетъ, углубляясь разумомъ своимъ въ истинны вѣры, убѣдиться въ ихъ непреложности и необходимости для жизни. И тогда избранныя имъ и разумомъ провѣренныя основы вѣры, будутъ для него дѣйствительно истинной, а не суевѣрїемъ; будетъ ли это та вѣра, въ которой онъ воспитался, или новая, она будетъ разумна и потому тверда.

То, что воспитатели его не слѣдовали и не вѣрили завѣтамъ той вѣры, которую паружно и ради мірскихъ выгодъ считали своею, тогда уже не будетъ для него значить то, что вѣра эта плоха, а только, что люди, поступающіе такъ, слабы духомъ. Онъ увидитъ, что въ каждой вѣрѣ есть люди искренно слѣдующіе ей и потому получающіе отъ нея то благо, которое она можетъ дать, и во всякой вѣрѣ есть люди лицемѣрные и малодушные, обманывающіе и себя и Бога и потому вѣчно страдающіе.

Займствуя изъ каждой вѣры потребное его душѣ и провѣряя это разумомъ, человѣкъ увидитъ, какъ обширна область откровенія, выходящаго далеко за предѣлы того священнаго писанія и преданія, которое его учили признавать за единую и непреложную истину. вмѣстѣ съ этимъ въ душѣ его возникнетъ новая, внутренняя мѣрка истины, съ которой онъ и приступитъ къ чтенію книгъ, называемыхъ священными и съумѣетъ отобрать на этой нивѣ чистую пшеницу, посѣянную Богомъ, отъ плевель, посѣянныхъ духомъ злобы и тьмы, врагомъ рода человѣческаго.

Въ вѣрѣ, основанной на разумѣ и любви, онъ станетъ не поколебимъ, ни со стороны ухищреній разсудка, часто заблуждающагося, ни со стороны мірской суеты съ ея страстями и вожделѣніями, запутывающими человѣка въ сѣти порока, и освободившись отъ всего этого, онъ твердо и спокойно пойдетъ по пути къ вѣчному благу, увлекая туда же и своихъ меньшихъ, болѣе слабыхъ братьевъ и сестеръ.

Письмо 2.

Вѣра индусовъ.

На востокъ отъ Палестины находится Царство Персидское, а за персами, еще дальше на востокъ и на югъ лежить страна Индія и живетъ народъ—индусы. Они занимаютъ растительностью богатыя долины большой рѣки Ганга и его притоковъ, а также другія плодородныя земли къ югу и къ сѣверу отъ этой долины, на полуостровѣ Индустанѣ и въ средней Азіи.

1. Вѣтхій завѣтъ.

Съ древнѣйшихъ временъ индусы видѣли Бога въ природѣ. Они называли Его Брамой и почитали и поклонялись не только Ему, но и всѣмъ многочисленнымъ проявленіямъ его, называя эти проявленія низшими богами или духами. Сообразно тому, въ какомъ смыслѣ призывали верховное существо, давали ему особое, соотвѣтствующее названіе. Его называли: Атманъ, душа міра, Праяпати владыка созданій и т. д. Весь міръ казался имъ истекающимъ изъ одного общаго божественнаго источника—Брамы.

Брама являлся вѣрующимъ то грознымъ, сильнымъ карателемъ, за ихъ грѣхи, то милостивымъ другомъ добрыхъ и потому боги или духи были добрые и злые. Однимъ изъ нихъ приносили жертвы въ умилостивленіе ихъ гнѣва, другимъ въ благодарность за ихъ благодѣянія. Совершеніе жертвъ было обставлено большими церемоніями и кто лучше всего зналъ и исполнялъ ихъ, тотъ считался самымъ благочестивымъ и угоднымъ Богу.

При жертвоприношеніяхъ читались священныя книги или

Веды. Благочестивая мудрость состояла также въ знаніи возможно большаго числа текстовъ или стиховъ изъ этихъ священныхъ книгъ, по преданію изшедшихъ изъ устъ самого Брами. Душевная и тѣлесная чистота была непремѣннымъ условіемъ угожденія Богу: „Тотъ, говорится въ Ведахъ, кто въ своей собственной душѣ видитъ частичку высшей міровой души, и обладаетъ душевнымъ спокойствіемъ, тотъ достигаетъ высшаго блаженства“.

Брамы, служители Брами, видѣвшіе въ безчисленныхъ существахъ живого міра лишь разнообразныя проявленія одной вѣчной, всеобщей души, къ соединенію съ которой стремятся всѣ эти существа, представляли себѣ ихъ, какъ бы расположенными по духовной лѣстницѣ, отъ самыхъ грубыхъ и низшихъ, до самыхъ чистыхъ и совершенныхъ. Чтобы не пасть ниже, чтобы подняться постепенно на высшую ступень лѣстницы, для этого былъ лишь одинъ путь—укрощеніе своихъ страстей, чистота жизни и познаніе Божества.

Съ древнихъ временъ индусы задумывались надъ тѣмъ, что будетъ послѣ ихъ смерти и что такое ихъ теперешняя плотская жизнь. Они не могли думать того, чтобы жизнь вѣчнаго, по своей природѣ разлитаго духа могла зависѣть отъ случайностей, которымъ подвержена наша жизнь, и имъ казалось, что общая душа міра, Атманъ, только на время вселяется въ тѣла людей и животныхъ и каждое новое рождающееся живое существо есть воплощеніе все одного и того же вѣчнаго духа. Это таинственное, временное, отдѣльное, личное существованіе, дающее сознаніе этому существу, ведетъ или къ усовершенствованію духа, или къ его паденію. Каждой степени совершенства духа соотвѣтствуетъ особый видъ живого существа.

Эта глубокая и понятная мысль была перетолкована болѣе грубыми и суевѣрными людьми въ ученіе о переселеніи душъ, до сихъ поръ еще живущее у индусовъ. По этому ученію душа человѣка дурно жившаго послѣ его смерти вселяется въ низшее существо или животное, а душа человѣка хорошо жившаго переходитъ въ существа высшія, въ надземные міры. И странствованіе или переселеніе души продолжается до тѣхъ поръ, пока она, постепенно совершенствуясь не сольется съ единымъ вѣчнымъ духомъ, Атманомъ или Брамой.

Но несмотря на эти возвышенныя вѣрованія, народъ, исповѣдывавшій ихъ былъ еще очень грубъ и оскорблялъ Бразу всякими беззаконіями.

Индусы въ древности вели постоянныя войны съ прежними жителями той страны, въ которой они поселились и понемногу или вовсе истребляли ихъ или порабощали. Въ этихъ нескончаемыхъ войнахъ приобрѣли большое значеніе военное сословіе, по индусски: *Кшатрии*, съ ихъ предводителями, князьями, царями или *Раджасами*.

Руководители жертвоприношеній и толкователи Ведъ—Духовенство или *Браманы*, выдѣлились въ особое сословіе или *касту* и заняли первое мѣсто, такъ какъ держали въ своихъ рукахъ и народъ и царей. За царскою и военной кастой слѣдовали *Вайшьи*, земледѣльцы и кушцы и наконецъ *Судры*, или низшее сословіе безправныхъ рабовъ.

Чѣмъ больше забирали въ свои руки власть браманы, тѣмъ ниже падала вѣра у нихъ и у остального народа и тѣмъ болѣе поселялось розни между сословіями и постепенно онѣ сложились въ такія непреступныя и враждовавшія между собою касты, что переходъ изъ одной касты въ другую, особенно изъ низшей въ высшую, сталъ совершенно невозможенъ. Конечно, при этомъ больше всего страдала низшая каста судровъ, отягощенная непосильными работами на высшихъ.

Браманы благословляли войны и многіе жестокіе обычаи, какъ, напр., обычай, по которому вдова должна была бросаться въ огонь, на которомъ сжигали трупъ ея мужа. Еще многія дурныя дѣла совершались подъ покровительствомъ Брамановъ и потому отъ имени Бога.

Лучшіе люди, которые не могли примирить въ себѣ стремленіе къ правдѣ съ одной стороны и требованія мірской жизни съ другой и въ то же время не были настолько сильны, чтобы подобно пророкамъ вступать въ открытую борьбу съ міромъ, такіе люди уходили отъ міра въ лѣса и пустыни, основывали тамъ монастыри или жили одиночными отшельниками и, скудно питаясь подаяніемъ или природной пищею, которую находили вокругъ себя, предавались благочестивымъ размышленіямъ. А когда приходили искушенія въ мысляхъ и желаніяхъ, жестоко укрощали свою плоть, изнуряя ее постомъ или бичуя разными страданіями.

Мірскіе люди, чувствуя въ этихъ отшельникахъ силу вѣры, шли къ нимъ за совѣтомъ и поддержкой, носили имъ пищу, одежду, получая взамѣнъ этого отъ святыхъ „аскетовъ“, какъ

ихъ называли, духовную пищу, совѣтъ и поддержку на жизненномъ пути.

А между тѣмъ вѣра въ Брамю все больше и больше затемнялась. Толкованіе Священнаго Писанія, Ведъ, становилось все болѣе и болѣе далекимъ отъ жизни и вся вѣра понемногу обращалась въ множество нелѣпныхъ церемоній всевозможнымъ богамъ или духамъ и завѣты древнихъ мудрыхъ учителей все больше и больше забывались.

Народъ ждалъ избавителя и обновителя вѣры и жизни, и онъ явился въ міръ подъ именемъ Будды, что значитъ „просвѣщенный“.

Письмо 3.

Новый завѣтъ.

У одного изъ индійскихъ царей, по имени Судегданы, лѣтъ за 500 до Р. Х. родился царевичъ Сидарта. Мать его вскорѣ умерла. О дѣтствѣ и юности его извѣстно мало. Преданіе говоритъ, что онъ былъ мудръ не по лѣтамъ, что такъ быстро понималъ и запоминалъ все, чему его учили, что, казалось, онъ зналъ все это раньше, еще до рожденія своего на свѣтъ.

Приближенные царя, видя задумчиваго царевича, склоннаго къ размышленію и молитвѣ, опасались, какъ бы не выбралъ онъ себѣ духовный путь жизни и какъ бы не оставилъ своего мѣста наслѣдника престола. Они сказали объ этомъ царю и царь очень встревожился этимъ. По совѣту своихъ приближенныхъ, для того, чтобы оградить царевича отъ духовной жизни, царь женилъ его 19-ти лѣтъ на красавицѣ Язодгарѣ, дочери сосѣдняго царя, и окружилъ его такою роскошью, которая только доступна была въ то время, надѣясь, что сѣмя божественнаго разума уже пустившаго ростокъ въ душѣ царевича, заглохнетъ среди нѣги и наслажденій. Во дворцахъ царевича было запрещено всякое горе и никто съ грустнымъ лицомъ не смѣлъ показаться ему на глаза.

Царевичъ первое время поддался этому обману и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ царской роскоши. Но голосъ разума не оставилъ его, и вскорѣ онъ сталъ чувствовать тоску отъ этого и искать освобожденія. Будучи двадцати девяти лѣтъ, царевичъ

поѣхалъ разъ къ себѣ на дачу въ загородный дворецъ и дорогой былъ пораженъ видомъ человѣка, совсѣмъ расслабленнаго отъ старости; въ другой разъ ему встрѣтился человѣкъ, страдавшій отвратительной болѣзнию, а въ третій разъ онъ натолкнулся на гниющій трупъ. Всякій разъ возница его Чанна говорилъ, что такова судьба всѣхъ людей. Вскорѣ послѣ этого онъ встрѣтилъ монаха-отшельника и Чанна объяснилъ ему, что это слуга Божій, свободный и не боящійся никакой бѣды.

Царевичъ сильно призадумался. Его роскошная жизнь показалась ему ужасной. Ему опостылыли всѣ земныя радости и надежды, онъ сталъ мечтать о тихой жизни въ пустынь и искалъ случая отдаться всѣмъ существомъ своимъ воздержанію и размышленію.

Разъ, возвращаясь съ прогулки, онъ узналъ о рожденіи у него сына. „Это новыя, крѣпкія оковы, сказалъ царевичъ, которыя мнѣ придется разбивать“.

Во дворецъ шель праздничный пиръ по случаю рожденія сына Сидарта, а онъ самъ такъ глубоко былъ погруженъ въ свои думы, что не замѣчалъ окружающаго его блеска, музыки, пѣсней и танцевъ и утомленный всѣмъ этимъ заснулъ.

Проснувшись, онъ вскочилъ, готовый къ работѣ, какъ человѣкъ, унававший, что его домъ горитъ. Спросивъ кто стоитъ на стражѣ и узнавъ, что стоитъ его вѣрный возница Чанна, онъ велѣлъ ему сѣлать себѣ лошадь; а самъ пошелъ въ спальню, взглянувъ послѣдній разъ на жену и ребенка, спавшихъ сладкимъ сномъ не хотѣлъ будить ихъ и вышелъ вонъ изъ дворца. Онъ поѣхалъ въ сопровожденіи Чанны странствовать и искать рѣшенія мучившихъ его вопросовъ жизни.

Вскорѣ предсталъ предъ нимъ искунитель, злой духъ Мара, и обѣщалъ ему дать власть надъ всею землею, если онъ послушается его и оставитъ свое намѣреніе стать буддой, т. е. „просвѣщеннымъ“. Сидарта преодолѣлъ это искушеніе и поѣхалъ дальше. Доѣхавъ до берега большой рѣки, онъ остановился, мечемъ срѣзалъ себѣ длинныя кудри, снялъ богатая одежды и послалъ ихъ обратно въ свой домъ со своимъ слугою, остался одинъ.

Онъ сталъ разыскивать мудрыхъ брамановъ и поучаться отъ нихъ мудрости.

И вскорѣ онъ постигъ все, чему только можно было тогда научиться, но знаніе мудрости не дало покоя душѣ его. Тогда

онъ нашель отшельниковъ-аскетовъ, которые учили, что для познанія тайнъ духовнаго міра, нужно измозжить свою плоть. И онъ присоединился къ нимъ и прожилъ съ ними шесть лѣтъ въ самоистязаніяхъ и лишеніяхъ, и слава о новомъ отшельникѣ разнеслась по всей Индіи. Но истиннаго просвѣщенія все еще не было. Наконецъ онъ довелъ себя до такого истощенія, что съ нимъ сдѣлался глубокой обморокъ, Окружавшіе его люди думали, что онъ умеръ; но онъ оправился и съ этихъ поръ пересталъ изнурять и истязать себя и рѣшилъ питаться и работать столько, чтобы быть здоровымъ и бодрымъ. А просвѣщенія все еще не было достигнуто.

Видя, что усвоеніемъ чужой мудрости и строгой жизнью онъ не достигнетъ того, чего ему хотѣлось, онъ предался размышленію и покаянію, думая этимъ достигнуть святости. Опять онъ достигъ того, что люди стали прославлять его за святость, а самъ онъ терялъ и силу и вѣру. Замѣтивъ его колебанія и недовольство собой, ученики оставили его и онъ остался совсѣмъ одинъ.

Онъ пошелъ бродить и, придя къ большому дереву, стоявшему на берегу рѣки, сѣлъ подъ дерево и погрузился въ свои думы. Онъ просидѣлъ весь день, борясь съ собой и раздумывая что ему дѣлать. Всѣ прежнія искушенія вернулись къ нему съ новою силою. Уже много лѣтъ онъ, какъ мудрецъ, смотрѣлъ равнодушно на всѣ земныя блага, понимая, что нѣтъ счастья безъ горя; но теперь, при его поколебавшейся вѣрѣ, сладость домашняго очага и любви, прелесть богатства и власти показалась ему совсѣмъ въ другомъ, крайне привлекательномъ видѣ. И онъ очень страдалъ отъ этихъ искушеній. Но къ закату солнца, когда эти искушенія достигли высшей степени, вдругъ какъ бы завязка упала съ его глазъ. Онъ почувствовалъ свое духовное рожденіе. Вѣра одержала верхъ и вышла изъ этой борьбы какъ бы очищенной. Въ головѣ у него все стало ясно и онъ сдѣлался буддой, т.-е. просвѣщенный.

Онъ провелъ всю ночь подъ этимъ деревомъ въ размышленіи и укрѣпляясь въ новомъ жизненопиманіи.

Съ этого дня онъ сталъ проповѣдывать новую вѣру. Онъ уже не призывалъ больше людей къ умерщвленію плоти, считая это бесполезнымъ. Не училъ также приносить жертвы Брамѣ, и другимъ богамъ и совершать обряды или заучивать тексты священнаго писанія. Онъ училъ тому, что есть только одинъ

вѣрующій долженъ отдѣлаться отъ всѣхъ злыхъ желаній, отъ заблужденія, сомнѣнія, недоброжелательности и раздражительности. Наконецъ послѣдняя, четвертая ступень есть всеобщее милосердіе.

Истинное просвѣщеніе, истинная свобода, заключается только въ любви. Вѣрующій, проникнутый любовью ко всему живущему, разрываетъ цѣпи незнанія, страсти и грѣха, и тѣмъ самымъ приближается къ Нирванѣ и становится внѣ законовъ вещественнаго бытія. Тайны будущей и прошлой жизни открыты ему, и онъ навѣки освобождается отъ рожденія съ его послѣдствіями, разрушеніемъ и смертью.

Трудно достигъ этой высшей ступени, но кто разъ вступитъ на эту ступень, тотъ уже не можетъ покинуть ея, рано или поздно добьется своего, и, войдя въ Нирвану, успокоится навѣки.

Такъ училъ Будда и число учениковъ его быстро возрастало. Когда наступило удобное время, когда онъ увидаль, что есть уже люди, вполне понявшіе его ученіе и измѣнившіе свою жизнь сообразно этому ученію, Будда собралъ наиболѣе сильныхъ учениковъ своихъ и сказалъ имъ: „Я освободился отъ смертныхъ грѣховъ, опутывающихъ людей страшными сѣтями; и вы тоже, наученные мною, достигли этого. Намъ предстоитъ теперь великая задача—помочь людямъ добиться спасенія. Раздѣлитесь и разойдемся въ разныя стороны по одиночкѣ. Идите, братья, и проповѣдуйте благую вѣсть.

Такъ Будда каждый годъ разсылалъ учениковъ своихъ проповѣдывать свое ученіе по разнымъ странамъ и вскорѣ оно стало извѣстно далеко и за предѣлами Индіи.

И самъ онъ ходилъ проповѣдывать и училъ всякаго чело-вѣка, не разбирая возраста, сословія и пола. Онъ приходилъ къ Царямъ и говорилъ имъ правду о спасеніи, останавливалъ нищихъ на дорогѣ и поучалъ ихъ, ходилъ къ тогдашнимъ мудрецамъ-браминамъ и ихъ привлекалъ въ число учениковъ своихъ.

Одинъ изъ царей такъ былъ увлеченъ проповѣдью Будды, что не хотѣлъ отпускать его отъ себя и подарилъ ему бамбуковую рощу, и въ этой рощѣ, ставшей священной для всѣхъ почитателей Будды, онъ произнесъ большую часть своихъ замѣ-тельныхъ проповѣдей, проведя тамъ со своими учениками дол-гивое время года, когда погода не позволяла уходить далеко. Отецъ Будды, старый царь Судогдана услышалъ о дѣяніяхъ своего сына и послалъ къ нему пословъ просить придти въ родной го-

родъ. Будда пошелъ туда. Горько было роднымъ его, не понимавшимъ еще его истиннаго величія, видѣть блестящаго царевича Сидарту въ грубой одеждѣ нищаго, босого, съ чашкой для сбора подаянія въ рукахъ. Будда всегда ходилъ такъ, потому что считалъ грѣхомъ всякое излишество. Но когда прошло первое удивленіе его родныхъ, и когда Будда раскрылъ имъ истины спасенія, то жена его, сынъ и многіе изъ родственниковъ вошли въ число учениковъ его.

О святой жизни Будды сохранилось много занимательныхъ и поучительныхъ разсказовъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Разъ Будда подошелъ къ богатому земледѣльцу, нахавшему свое поле, и просилъ подаянія. Земледѣлецъ сказалъ Буддѣ: „если бы ты пахалъ и сѣялъ, какъ я, то тебѣ не пришлось бы просить милостыни“.

— Я тоже сѣю, пашу и пожинаю,—отвѣчалъ Будда.

— „Только никто не видитъ какъ ты пахешь“,—замѣтилъ земледѣлецъ.

— Вѣра есть мое сѣмя,—сказалъ ему Будда, борьба съ самимъ собой есть благодатный дождь, мудрость есть мой плугъ, которымъ управляетъ скромность. Настойчивость везетъ мой плугъ и я направляю его своею мыслью; законъ есть то поле, которое я обрабатываю, жатва, собираемая мною, есть безсмертная и пища Нирваны. Кто собираетъ эту жатву, тотъ уничтожаетъ всѣ плевелы печали. Одинъ купецъ изъ большаго Индійскаго города, принявъ ученіе Будды, захотѣлъ проповѣдывать его въ своемъ городѣ и сталъ просить на это разрѣшенія у Будды. Народъ въ твоёмъ городѣ очень дерзокъ, отвѣчалъ ему учитель; если люди обругаютъ тебя, что ты будешь дѣлать?—„Я не стану отвѣчать имъ,—сказалъ купецъ“.—А если они ударятъ тебя?—„Я не стану бить ихъ“.—А если они захотятъ убить тебя?—„Смерть сама по себѣ не есть зло,—отвѣчалъ ученикъ, многіе изъ насъ желаютъ смерти, чтобы избавиться отъ мірской суеты. Но я шагу не сдѣлаю, чтобы отдалить или приблизить ее“.

Разъ Будда оказалъ духовную помощь молодой женщинѣ, исцѣливъ ее отъ ея горя. Эта молодая женщина очень рано вышла за мужъ и первый ребенокъ, котораго она родила, умеръ. Несчастливая мать, прижимая мертваго ребенка къ груди, бѣгала изъ дома въ домъ и просила дать ей для него какого-нибудь лекарства. Она почти лишилась разсудка. Одинъ изъ учениковъ Будды сказалъ ей, что самъ ей дать лекарства не можетъ, но

знаеть такого челоуѣка, который можетъ помочь ей. Ее привели къ Буддѣ. „Учитель,—сказала она, не можешь ли ты помочь мнѣ?“ и она протянула ему мертваго ребенка.—Могу,—отвѣчаль Будда. Что должна я сдѣлать?—спросила женщина и въ душѣ ея блеснулъ лучъ надежды. Достань мнѣ, сказалъ ей Будда, горсть горчичнаго сѣмени изъ такого дома, въ которомъ никогда не умиралъ ни сынъ, ни родитель, и никто изъ родныхъ или изъ рабовъ. Женщина ушла и вездѣ, куда она ни входила, на вопросъ: „не умиралъ ли кто-нибудь въ семьѣ? она получала одинъ и тотъ же отвѣтъ, что живыхъ мало, а умершихъ много. Наконецъ она стала успокаиваться и пошла обратно къ Буддѣ, оставивъ ребенка въ лѣсу.—Принесла ли ты горчичнаго сѣмени?—спросилъ ее учитель. „Нѣтъ,—отвѣчала она, потому что живыхъ мало, а умершихъ много“.

Будда сталъ разсказывать ей свое ученіе о непрочности всего земнаго, такъ что сомнѣнія ея разсѣялись и она, помирившись со своимъ несчастіемъ, стала его ученицей.

Такъ проповѣдывалъ Будда около 45 лѣтъ. Не смотря на то, что вся жизнь и проповѣдь Будды были проникнуты милосердіемъ и любовью, нашлись враги, пожелавшіе причинить вредъ ему самому и его святому дѣлу. Первыми врагами явились брамины или индійскіе священники. Ихъ строгому раздѣленію людей на касты или сословія, на чистыхъ и не чистыхъ Будда противопоставлялъ ученіе о томъ, что всѣ люди—братья. Ихъ заботы о жертвахъ и обрядахъ шли въ разрѣзъ съ его ученіемъ о спасеніи людей разумніемъ и любовью. Наконецъ они благословляли войны, убійства и всякія насилія, совершаемыя свѣтскими властями, а Будда училъ не дѣлать никому насилія, не только людямъ, но и никакой живой твари, такъ что самъ Будда и ученики его не употребляли въ пищу животныхъ. Враждовали противъ него и нѣкоторые изъ его родныхъ, завидуя его славѣ. И потому Будду не вездѣ принимали охотно и часто подвергали его и его учениковъ разнымъ оскорбленіямъ. Тѣмъ не менѣе ученіе его распространялось и онъ видѣлъ перемѣну жизни въ людяхъ еще при жизни своей, и благополучно дожилъ до 80 лѣтъ и умеръ естественной смертію.

Въ священныхъ буддійскихъ книгахъ такъ разсказывается о его кончинѣ. Восьмидесятилѣтній старецъ-учитель остановился отдохнуть въ одной подаренной ему роцѣ. Хозяинъ этой роци приготовилъ обѣдъ и накормилъ Будду и учениковъ его. Послѣ

обѣда они отправились дальше; но пройдя немного, Будда остановился и сказалъ; „меня томить жажда“. Его напоили и онъ опять двинулся впередъ; подвигались они медленно, такъ какъ учитель былъ очень слабъ. Такъ они добрались къ вечеру до рѣки Хирањьяваты и остановились отдыхать. Будда долго говорилъ со своимъ любимымъ ученикомъ Анандой и повторялъ ему тѣ правила, которымъ надо слѣдовать въ жизни. Ананда, зная, что это его послѣднія слова, не могъ сдержатъ себя; отошелъ отъ него и заплакалъ. Будда позвалъ его, сталъ успокаивать и говорилъ: „Полно, Ананда, не плачь, не тревожься. Вѣдь рано или поздно мы должны разстаться со всѣмъ, что намъ дорого. Развѣ есть на этомъ свѣтѣ что нибудь вѣчное? Дорогие мои, прибавилъ онъ, обращаясь къ другимъ ученикамъ, Ананда знаетъ все, что слѣдуетъ дѣлать послѣ моей смерти. Слушайте его“.

Потомъ, уже ночью, онъ еще говорилъ съ однимъ, пришедшимъ навѣстить его: „мою вѣру знаютъ мои двѣнадцать учениковъ; они пробуждаютъ мѣръ отъ равнодушія. Съ двадцати девятилѣтняго возраста до сегодняшняго дня я стремился къ чистой и совершенной мудрости, и идя вѣрной стезей, я дошелъ теперь до Нирваны“. Къ утру онъ скончался. Послѣдними словами его была просьба любить другъ друга.

Ученіе Будды было очень просто и понятно, но нравственныя требованія его были такъ высоки, что только немногіе люди могли близко слѣдовать за нимъ. Тѣ, кто хотѣлъ строго выполнять его завѣты, собирались вмѣстѣ и жили общинами. При своей жизни Будда самъ руководилъ этими общинами и поддерживалъ ихъ силы своимъ примѣромъ. Но послѣ его смерти многое забылось. Браманы стали преслѣдовать его учениковъ и послѣдователей. Нѣкоторые цари и правители, сочувствовавшіе ему, старались оградить буддистовъ, т.е. послѣдователей Будды, отъ преслѣдованій и помирить ихъ съ браминами, устраивали соборы, на которыхъ устанавливали древнія правила и провѣряли священныя книги. Но все это только помогало тому, что буддизмъ, т.е. ученіе Будды, распространялось все дальше и дальше и наконецъ проникло въ Китай и Японію. Теперь буддистовъ считаютъ около 400.000.000. Но чѣмъ дальше и шире распространялся буддизмъ, тѣмъ больше и больше онъ отличался отъ первыхъ завѣтовъ своего учителя. Тѣ браминскіе священники, которые не въ силахъ были дальше бороться съ новой вѣрой, наружно принимали и искажали ее и, обманывая народъ, устанавли-

вали въ честь Будды жертвы, богослуженія и праздники. Мало-по-малу дошло дѣло до того, что въ теперешнихъ буддійскихъ храмахъ совершаются передъ идолами Будды богослуженія, подобныя католическимъ и православнымъ. Чистое же ученіе Будды исповѣдуется только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, немногими общинами благочестивыхъ отшельниковъ или одинокими мудрецами.

Но несмотря на это, ученіе Будды сдѣлало свое дѣло и подвинуло людей на пути къ ихъ вѣчному благу.

Въ ученіи Будды есть одна важная особенность, которую слѣдуетъ отмѣтить.

Будда въ ученіи своемъ не упоминаетъ имени Бога. Самъ весь божественный, онъ велъ людей къ Богу, не называя Его по имени. Онъ дѣлалъ такъ потому, что хотѣлъ уберечь людей отъ идолопоклонства, которымъ оскорбляли Бога браминскіе священники. А темные люди и до сихъ поръ упрекаютъ Будду въ безбожьи. Но намъ, знающимъ и любящимъ ученіе Христа, нельзя обвинять его въ этомъ. Мы должны помнить слова Христа, сказавшаго: „Не всякій, говорящій мнѣ Господи, Господи, войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго“.

Вотъ какова была вѣра иудеявъ еще за много лѣтъ до рожденія Христа.

Письмо 4.

Очищеніе старой вѣры.

Новая вѣра, кромѣ прямого дѣйствія на души людей, оставляющихъ старую вѣру и мѣняющихъ жизнь, оказываетъ благотворное дѣйствіе и на старую вѣру, заставляя лучшихъ, честныхъ послѣдователей ея осмотрѣться и очиститься, чтобы оправдаться передъ людьми новой вѣры въ томъ, что и въ старой вѣрѣ есть все то хорошее, что проповѣдуется въ новой. И дѣйствительно, въ старой вѣрѣ должны быть сѣмена новой, иначе новая и не выросла бы совсѣмъ.

Только люди старой вѣры заглушаютъ первые ростки этихъ сѣмянъ и они почти погибаютъ. Когда же новые учителя начинаютъ обличать старую вѣру, тогда люди, которые дорожатъ ею,

начинають отыскивать въ ней все лучшее и похожее на новую вѣру и подъ именемъ старой вѣры проповѣдуютъ то же самое, и такимъ образомъ, сами того не замѣчая, содѣйствуютъ новымъ пророкамъ, подготавливая обновленіе.

Бѣда только въ томъ, что они вливаютъ молодое вино въ старые мѣхи и потому портятъ и то и другое. Большею частью они продолжаютъ признавать старые обряды и этими обрядами затемняютъ нравственный смыслъ своей проповѣди и замедляютъ движеніе къ своему благу. Такъ было, когда языческіе философы стали защищать свою вѣру отъ христіанской и когда Цельсій, Маркъ Аврелій, Сенека, Юліанъ и другіе стали подъ видомъ обновленнаго язычества проповѣдывать христіанскія истины.

Такъ было и съ учителями іудейскими, Гилледомъ и др., выставившими высоту нравственнаго закона талмуда. Такъ было съ католичествомъ во времена реформации. Такъ происходитъ теперь съ русскимъ православіемъ, въ его борьбѣ съ такъ называемымъ сектантствомъ; такъ было и у индусовъ, когда браманы-философы стали защищать старую вѣру противъ буддизма.

Многіе браминскіе философы пытались возстановить старую отжившую вѣру, но лучше всѣхъ это удалось сдѣлать мудрецу Шанкарѣ-Ачаріи, который такъ изложилъ основы старой вѣры, что въ высотѣ нравственныхъ требованій сравнился съ новой, а въ нѣкоторыхъ философскихъ доказательствахъ даже превзошелъ ее.

По ученію этого мудреца, источникъ истиннаго вѣдѣнія есть откровеніе. Откровеніе заключается въ священномъ писаніи или Ведахъ, конечно понимаемыхъ такъ, какъ ихъ толкуеть Шанкара-Ачарія. Такъ какъ его коментаріи или толкованія составляютъ окончаніе Ведъ, то все его ученіе называютъ часто Веданта, что значить конецъ Ведъ.

Хотя откровеніе содержится въ Ведахъ, но одно изученіе священнаго текста по мнѣнію Шанкары, не даетъ само по себѣ истиннаго разумѣнія. Нужно еще чтобы вѣрующій могъ: 1) отличать вѣчное отъ невѣчнаго, 2) отречься отъ всякой внѣшней награды въ этомъ мірѣ или въ будущемъ и 3) обладать шестью средствами спасенія: спокойствіемъ духа, умѣренностью, отрѣшенностью, терпѣніемъ, внимательностью и вѣрою.

Истина, познаніе которой есть высшая цѣль людей, есть внутреннее единство всего сущаго и однородность существа познающаго съ общею сущностью міра. Эта истина выражается такъ: 1) Сущее одно и нѣтъ другого. 2) Что не я—то ты. 3) Я—все.

Множественность и раздѣльность существъ и вещей происходитъ отъ невѣдѣнія. Знающій истину во всемъ видитъ одно, и себя самого, свой духъ сознаетъ одинаковымъ съ верховнымъ всеобщимъ духомъ.

Бога или Брамъ, т.-е. Верховнаго Существа не только нельзя видѣть или осязать какимъ либо чувствомъ, но ему нельзя приписать даже никакого свойства, нельзя изобразить, иначе нарушишь, оскорбишь его божественную, безусловную природу.

Какже могъ произойти изъ этой неуловимой сущности весь чувствуемый мѣръ?

Все разнообразіе міра заключается въ скрытомъ видѣ, въ Верховномъ Существомъ и развивается изъ него по мѣрѣ вѣчной необходимости. Брамъ подобенъ пауку, ткущему изъ себя паутину міровыхъ законовъ и явленій. Но это сравненіе нельзя принимать буквально. Брамъ и мѣръ—одно и тоже. Только несовершенство нашего разумѣнія заставляеть насъ видѣть чувственный мѣръ, который заслоняетъ для насъ образъ Вѣчнаго.

Какъ путникъ въ лѣсу принимаетъ толстую веревку за змѣю, такъ человѣкъ, лишенный истиннаго вѣдѣнія видитъ вмѣсто дѣйствительнаго существующаго Брамъ,—его подобіе—чувствуемый мѣръ.

И душа наша, въ своей истинной сущности есть тотъ же Брамъ, всеединный духъ. На этомъ же основано и ученіе о спасеніи. Человѣкъ избавляется отъ зла и страданія не дѣлами и размышленіями, а лишь познаніемъ единой истины того что есть только одно существо, что *оно* и *онъ* самъ—одно и тоже, и что все прочее существуетъ для него лишь до тѣхъ поръ, пока не постигнута его обманчивость, какъ та мнимая змѣя пугаетъ путника лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не увидаль свою ошибку.

Спасеніе человѣка достигается познаніемъ Божества. Для познанія же Божества нужны чистота души и углубленіе въ самого себя или созерцаніе.

Познаніе это можетъ быть приобрѣтено только путемъ полного отвѣченія ума отъ всего земнаго, что можетъ быть успѣшно, только при полномъ подавленіи всѣхъ чувственныхъ стремленій. Немногіе избранники достигнувшіе полного порабожденія своихъ чувствъ и полного познанія природы Божества, сливаются со всею душой сейчасъ же по смерти ихъ; тѣ же подвижники, у которыхъ ко времени ихъ смерти осталось хотя бы немного мѣр-

ского и незнавiя, переходять въ мiръ Брамъ, гдѣ души ихъ ожидаютъ своего слиянiя съ высшимъ началомъ.

Шанкара-Ачарiя еще при жизни своей основалъ много монастырей, т.-е. общинъ благочестивыхъ отшельниковъ облегчавшихъ себѣ условiя спасенiя. Потому этихъ монастырей стало такъ много, что они вытѣснили Буддiйскiя общины. И теперь въ Индiи господствуетъ опять старая, Браминская вѣра, но въ обновленномъ видѣ и большую часть разумности она унаслѣдовала отъ Будды.

II. Вирюковъ.

Библейскiя загадки духовныхъ христанъ.

(Для дѣтей).

Въ молоко материнскомъ.

Молокомъ материнскимъ при жизни питались они
Въ свои юные годы и дни;
Злые люди ихъ, юныхъ, убили,
Въ молоко материнскомъ убитыхъ варили...

(Изъ первой половины библiи).

А. С. Степановъ.

Дер. Андреевка,
Камыш. у., Саратов. г.

Кто виноватъ?

Прошу отгадать:
По какой винѣ
Языки всѣ знать
Невозможно мнѣ?..

(Изъ первой половины библiи).

Изъ Мих. Дружининъ.

с. Пришибъ,
Астрахан. г.

Два раза.

Кто въ ветхомъ заветѣ
По два раза жилъ на свѣтѣ?

(Изъ средины библіи).

Ив. Мих. Дружининъ.

с. Пришибъ,
Астрахан. г.

Изъ письма: Мы посылаемъ вамъ отвѣты на все загадки, помещенныя въ журналъ за 1906 г. Сознаемъ, что намъ пришлось пересмотрѣть положительно всю библію и теперь мы практически убѣдились въ вашей гуманной цѣли просвѣщенія духовнаго христіанства... Пишите загадокъ побольше, напр. по пяти. Ждемъ съ нетерпѣніемъ! Хотя Богъ велитъ терпѣть, но развѣ утерпишь, когда предъ тобою отворены двери райа!..

Два „юные богослова“ села Разсказова духовные христіане:

Александръ и Семенъ Желтовы.

Въ вертоградѣ.

(По городамъ, селамъ и хуторамъ).

Протоколъ собранія 4-го марта. Въ воскресенье 4-го марта 1907 года, въ четыре часа дня, въ Баку въ домѣ Бр. Скобелевыхъ С-ей, состоялось общее собраніе бакинскихъ духовныхъ христіанъ въ количествѣ до трехсотъ человекъ. Передъ открытіемъ Собранія собравшіеся предложили избрать председателя на данное собраніе, помощника его и секретаря. Открытой баллотировкой большинствомъ голосовъ были избраны: председателемъ Н. В. Хворостовъ, помощникомъ его И. Т. Лебешовъ и секретаремъ Ф. И. Кутуковъ. Председатель, открывая Собраніе, доложилъ, что настоящее Собраніе созвано для того, чтобы обсудить и рѣшить вопросъ о правильной организаціи Бакинскаго Общества Духовныхъ Христіанъ и предложилъ Собранію

высказаться по этому вопросу. Н. М. Кашеевъ, высказываясь о цѣли настоящаго собранія и по вопросу организаціи Общества, просилъ разрѣшить одному изъ членовъ выбранной на Собраніи 20 февраля сего года комиссіи—Я. И. Колесникову—доложить о положеніи дѣла организаціи Общества, начавшейся въ 1906 году и возбужденія ходатайства передъ Городской Управой *объ отводѣ участка земли Обществу для постройки молитвеннаго дома.* Затѣмъ И. Ф. Колесниковъ пояснилъ вопросъ о правильной организаціи Общества, согласно законовъ о сектантахъ. Я. И. Колесниковъ доложилъ Собранію, со словъ, сказанныхъ комиссіи Членомъ Управы г. Гаджинскимъ, что вопросъ объ отводѣ городомъ участка земли для Общества будетъ разсматриваться въ ближайшемъ будущемъ въ Большомъ Земельномъ Собраніи Городской Думы, и участокъ, по всей вѣроятности, будетъ отведенъ Обществу, если только не будетъ никакого протеста со стороны какой-либо отдѣльной общины или части Общества, съ каковымъ протестомъ Дума будетъ считаться; документовъ же, представленныхъ по этому поводу: приговоръ Общаго Собранія Духовныхъ Христіанъ, состоявшагося въ январѣ 1906 г., и резолюція господина Бакинскаго Генераль-Губернатора о томъ, что съ его стороны препятствій нѣтъ къ отводу Обществу участка земли,—исполнѣ достаточно для Городской Думы. Что же касается правильной организаціи Бакинскаго Общества Духовныхъ Христіанъ, то таковой организаціи, съ юридической точки зрѣнія, пока нѣтъ, ибо, какъ оказалось, Общество въ Бакинскомъ Губернскомъ Правленіи не зарегистрировано согласно законовъ о сектантахъ. По поводу этого высказывались многіе изъ братьевъ, указывая путь къ правильной организаціи Общества и послѣ всего высказаннаго Собраніе пришло къ слѣдующему рѣшенію: Возбужденное въ 1906 году ходатайство объ отводѣ городомъ участка земли подъ постройку молитвеннаго дома и школы при немъ считать ходатайствомъ всего Бакинскаго Общества Духовныхъ Христіанъ, а потому настоящее Собраніе, присоединяясь къ этому ходатайству, поручаетъ довести это дѣло до конца комиссіи, выбранной на Общемъ Собраніи въ 1906 году, въ лицѣ Н. М. Кашеева, П. В. Хворостова, М. Д. Семенова, И. С. Скобелева и др., при чемъ эта комиссія, по исполненіи возложеннаго на нее порученія, передастъ всѣ права и обязанности по этому участку правильно организованному Обществу. Для правильной организаціи Общества Собраніе нашло необходимымъ выработать

проектъ устава Общества, которымъ регулировались бы гражданско-правовыя отношенія существующихъ нынѣ въ Баку семи отдѣльныхъ общинъ Духовныхъ Христіанъ, какъ къ правительству, такъ и къ общественнымъ и инымъ учрежденіямъ, и устанавливался бы внутренній распорядокъ, такимъ образомъ объединеннаго, Бакинскаго Общества Духовныхъ Христіанъ, не касаясь духовной стороны этихъ отдѣльныхъ общинъ, каждой въ отдѣльности. Для выработки проекта устава выбрать редакціонную комиссію изъ 24 лицъ, слѣдующимъ порядкомъ: предложить семи отдѣльнымъ общинамъ выбрать по два уполномоченныхъ изъ своей среды не позднѣе воскресенья 11-го марта сего года, а остальныхъ десять лицъ выбрать на данномъ Собраніи. Редакціонной комиссіи вмѣняется въ обязанность, по изготовленіи проекта устава, созвать Общее Собраніе Духовныхъ Христіанъ и предложить таковой на разсмотрѣніе и утвержденіе Общаго Собранія. Въ виду того, что за неимѣніемъ въ распоряженіи настоящаго Собранія избирательныхъ ящиковъ и шаровъ, и въ виду неграмотности многихъ изъ присутствующихъ братьевъ, тайную баллотировку какъ шарами, такъ и записками Собраніе не нашло возможнымъ произвести, а потому рѣшило приступить къ выборамъ 10 членовъ редакціонной комиссіи открытой баллотировкой. Изъ предложенныхъ въ члены редакціонной комиссіи слѣдующихъ 17 молодыхъ кандидатовъ: И. И. Корпева, И. Т. Лебешева, П. М. Колесникова, Я. И. Колесникова, И. А. Плотникова, И. Т. Рудинскаго, И. С. Скобелева, И. М. Семенова, Ис. М. Колесникова, П. Т. Лебешева, Я. В. Ватолина, Фил. И. Кутукова, Е. М. Новикова, Фед. И. Кутукова, А. С. Щетинина и Я. Е. Кащеева, — простымъ большинствомъ голосовъ выбраны: И. И. Корневъ, И. Т. Лебешовъ, Фед. И. Кутуковъ, Фил. И. Кутуковъ, П. Т. Лебешовъ, И. С. Скобелевъ, П. М. Колесниковъ, Я. И. Колесниковъ, Я. Е. Кащеевъ и И. М. Семеновъ. Собраніе постановило: копіи настоящаго протокола препроводить во всѣ семь собраний отдѣльныхъ общинъ Духовныхъ Христіанъ гор. Баку, съ просьбой избрать изъ своей среды по два уполномоченныхъ въ члены редакціонной комиссіи; дальнѣйшее ходженіе по этому дѣлу возложить на выборныхъ уже 10 членовъ впродъ до перваго Собранія редакціонной комиссіи. Въ 8 час. вечера Собраніе закрыто. Предсѣдатель Собранія: старецъ П. Хворостовъ; помощникъ предсѣдателя — молод. И. Лебешовъ. Секретарь — молод.

Ф. Кутуковъ. Члены отдѣльныхъ общинъ, присутствовавшіе на собраніи старцы: Н. М. Кащеевъ, Игн. Скобелевъ, Алексѣй Трущелевъ, Матв. Дав. Семоновъ, Милантій Димрюковъ, Никита Хянкинъ, Иванъ Рудинскій.

Въ редакціонную комиссію изъ отдѣльныхъ собраній избраны: Ник. Мих. Кащеевъ, Ив. Федос. Колесниковъ, П. В. Хворостовъ. И. Н. Федоровъ, М. П. Демрюковъ, Ф. В. Артицевъ, Н. К. Андреевъ, Ив. Фед. Бѣляевъ, Н. Тепляковъ, И. Н. Михайловъ, — г. Баку, 4-го марта 1907 г.

Изъ Баку: „Александръ Степановичъ, въ письмѣ Вашемъ къ намъ Вы пишете, что половину журнала рѣшили отвести для молодыхъ собраній и вообще для свободнаго обсужденія вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, политическихъ, экономическихъ и общественныхъ. Постараемся всей братіей посылать вамъ свои труды—посильную ленту... — Въ самомъ непродолжительномъ времени вышлемъ Вамъ проектъ устава Бакинскаго Общества Духовныхъ Христіанъ, который уже просмотрѣнъ бакинскими старцами и скоро будетъ подписанъ редакціонной комиссіей и утвержденъ Общимъ Собраніемъ и надѣемся, правительствомъ. А тамъ, Богъ поможетъ, начнется работа надъ оздоровленіемъ больного тѣла и души нашего бакинскаго новаго организующагося общества. О ходѣ дѣла будемъ Васъ извѣщать.

Наша молодежь вѣритъ, что Вы направите журналъ по новому руслу ближе къ жизни.

Павель Лебешовъ.

4 апрѣля 1907 г.

О братѣ Василии Егоровичѣ Наумовѣ.

Изъ Таврич. „Быль у насъ дорогой гость Василии Егоровичъ Наумовъ, Самарской губерніи; онъ проѣхалъ по всѣмъ нашимъ братствамъ, Васильевки и Астраханки Таврич. г.; онъ былъ весь праздникъ Рождества Христова, очень много проповѣдывалъ и много принесъ пользы церквамъ Христовымъ во всѣхъ селахъ нашихъ. Этотъ человекъ съ хорошимъ даромъ и очень полезный защитникъ нашего упованія. Просимъ васъ, дорогіе братья, примите его, какъ дорогого брата; надѣемся, что онъ и для васъ будетъ полезный. А вы его познакомьте со всѣми братьями церкви Божіей. Если хотите бесѣдовать, то онъ очень правильно защи-

щаетъ противъ воднаго крещенія. Просимъ васъ обратите вниманія, братъ оный очень хорошій; посвятилъ себя ѣздить по всемъ братьямъ“.

П. А. Ивановъ, С. А. Завьяловъ, С. И. Савельевъ.

Изъ Пришиба Бакин. г. „Вотъ возгорѣлся духомъ во странѣ въ Самар. губ. Никол. у., Сухо-Вязовской вол., с. Яблонный Оврагъ духовный христіанинъ молодой человекъ Василій Егоровичъ Наумовъ; возгорѣлся онъ духомъ за наше духовное христіанство, смущаемое буквенными насмѣнками, проповѣдующими водное крещеніе, бѣсовскую буквальную чашу и другіе обряды. Онъ, несмотря на свое бѣдное положеніе, оставивъ жену и дѣтей, продавъ послѣднюю лошадь, отправился въ путь на защиту своего братства; онъ началъ съ Кіева, былъ въ Мелитополь, въ Астрахань, Ново-Васильевкѣ и во многихъ другихъ церквахъ въ Павлодольскѣ терскихъ казаковъ и чрезъ Баку прибылъ къ намъ 8 февраля, въ с. Андреевку Ленкоранскаго уѣзда, проповѣдуя противъ воднаго крещенія, противъ бѣсовской буквальной чаши и противъ бѣсовской буквальной трапезы и пробылъ у насъ три дня. Этотъ братъ съ хорошимъ даромъ; слово его разумное, громкое; кажется, онъ желалъ бы вѣзать свое слово въ самое сердце и слушатели приходятъ въ чувствіе и сознаніе и проливаютъ рыдающія слезы, видя въ немъ защитника упованія предковъ нашихъ, и рыдали до изступленія. Онъ излилъ неслыханный источникъ у насъ и въ другихъ церквахъ привнесъ много плодовъ и пользы духовному христіанству. Вотъ, братія, какая любовь у него, а не какъ нѣкоторые, нажившіе 50 тысячъ и болѣе. Если изъ братьевъ задумаетъ кто поѣхать въ Андреевку, то пусть ѣдетъ безъ всякихъ стѣсненій къ Егору Андр. Кострикну“.

Ег. А. Кострикинъ.

Изъ Ленкорани Бакин. г. „Недуманное, негаданное, но давно желаемое Божіею милостію совершилось 8 февраля, въ четвергъ, въ 2 часа дня прибылъ къ намъ на пароходѣ изъ Баку братъ нашъ во Христѣ Василій Егоровичъ Наумовъ изъ Самарской г. села Яблонный Оврагъ; заѣхалъ онъ къ нашему пресвитеру Ивану Антоновичу Коновалову; онъ, бесѣдуя съ нимъ изъ слова священнаго писанія, вымѣрилъ его до глубины души, что онъ есть истинный духовный христіанинъ, нашъ братъ, ишедшій съ

16 лѣтъ изъ православія въ наше духовное христіанство, былъ за это много гонимъ и наказанъ, перетерпѣвши все страданіе, посвятилъ себя для братій нашихъ духовныхъ христіанъ проповѣдывать, разъяснять и бесѣдовать изъ стараго и новаго за-вѣта, также и бесѣдовать съ баптистами о водномъ крещеніи, о бѣсовской буквальной чашѣ и о преломленіи буквальной бѣсовской трапезы. Нашъ пресвитеръ Иванъ Антоновичъ въ субботу обошелъ всѣхъ нашихъ братьевъ, жительствующихъ въ Ленкорани, и объявилъ каждому отдѣльно, что пріѣхалъ къ намъ проповѣдникъ, такъ прошу пожалуйста завтра приходите всѣ въ собраніе; будетъ онъ бесѣдовать изъ слова священнаго писанія давно нами желаемое. Тутъ вопросъ именно, почему онъ пошелъ оповѣщать всѣхъ братьевъ по домамъ, именно потому, что вся церковь нашихъ братьевъ ленкоранцевъ спитъ, никто не хочетъ ходить въ собраніе, потому что зависитъ отъ наставниковъ болѣе, они не внушаютъ братіямъ не оставлять собраніе, а посѣщать его безпремѣнно; вотъ поэтому-то всѣ братіи наши не ходятъ въ собраніе, а сидятъ дома и болѣе ничего; ну, что же пришли на собраніе въ воскресенье, народу по подсчету мало, пришли да не всѣ. Проповѣдникъ обратился къ братьямъ и сестрамъ съ вопросомъ: „Что у васъ только это всего братіевъ?“ Если сказать: „да“, то останется ложнымъ; а если сказать „нѣтъ“, то почему такъ не пришли на собраніе, тѣмъ болѣе какъ сегодня всѣ, я думаю, знаютъ, что пріѣхалъ гость? Первымъ долгомъ высказалъ прочувственное слово объ охлажденіи нашей церкви и о пресвитерахъ, а потомъ бесѣдовалъ изъ стараго и новаго за-вѣтовъ. Бесѣда его очень тонкая и влажная: насколько окаменѣлыя сердца наши и тогда онъ проповѣдію и словами своими могъ окаменѣлыя наши сердца заставить плакать и рыдать; всѣ братья и сестры стали плакать навзрыдь, и воздавать хвалу Богу за то, что онъ вложилъ смыслъ брату нашему Василию Егоровичу поѣхать и посѣтить насъ и разбудить отъ сна. Послѣ утренняго собранія назначили собраніе въ 3 часа дня въ домъ брата нашего Якова Ивановича Назарова, и также предложено было баптистамъ придти желающимъ туда же, но изъ нихъ никто не пришелъ. Также и здѣсь во время бесѣды Василія Егоровича много пролито было слезъ отъ его рѣчей, а въ понедѣльникъ въ обѣдъ и вечеромъ собирались бесѣдовать и на моленіе у насъ на квартирѣ и бесѣдовали до глухой полуночи, и по окончаніи бесѣды изъ братьевъ частью разошлись по домамъ, а часть оста-

лись у насъ же почевать, а во вторникъ въ 1^{1/2} часа дня выѣхали по селамъ. Ночлегъ былъ въ Андреевкѣ, первомъ селѣ духовныхъ христіанъ, отстоящемъ отъ Ленкорани 37 верстъ; изъ Андреевки въ *Новоголовку*, изъ Новоголовки въ *Астраханку*, изъ Астраханки въ *Пришибъ*, а изъ Пришиба въ *Николаевку*; изъ Николаевки въ *Ленкорань* и на этотъ же день 21 февраля въ 8 часовъ вечера выѣхалъ въ *Баку*, и такъ далѣе, куда ему слѣдовало, и дѣйствительно народъ по селамъ жаждалъ проповѣди; по прїѣзду его, какъ будто бы въ набатъ прозвонили по всемъ селамъ; его встрѣчали и провожали съ радостными лицами, въ каждомъ селѣ онъ оставался не менѣе по два дня. Братія принимали его съ восторгомъ и очень жаждали поскорѣе прослушать его бесѣду и слушая его бесѣду оставались всѣ имъ и его бесѣдою чрезмѣрно довольны, благодаря его и молясь за него Богу, что послалъ къ намъ брата Василя Егоровича; въ каждомъ селѣ въ день три четыре обѣда строилось и во время трапезы шли бесѣды изъ слова священнаго писанія, а обычное собраніе по обряду нашему это совершалось каждый день, и въ каждомъ селѣ, гдѣ онъ былъ и изъ любви къ нему, когда онъ изъ села въ село переѣзжалъ, братія его съ нимъ изъ всѣхъ селъ провожали до слѣдующаго села и оставались тамъ вмѣстѣ съ нимъ послушать его бесѣды, потому что не могли насытиться каждый въ своемъ селѣ; опять-таки вопросъ именно почему? Потому что народъ понималъ ревность сильную, долго колебались и были въ уныніи и размысленіи объ *естественной* водѣ, которой мы утоляемъ жажду, но онъ ихъ поилъ водою *живою*, какъ Нашъ Спаситель сказалъ самарянкѣ: „Я дамъ тебѣ воды живой“. Послѣ его отъѣзда братія наша во всемъ Ленкоранскомъ уѣздѣ пробудились отъ сна, стоятъ бодрые, какъ рать храбрая на сторожѣ, потому что атаманъ у нихъ былъ храбрый, *побѣдилъ бесѣдою баптистовъ: во многихъ они, т.-е. баптисты, текстахъ не могли ему отвѣтить на запросы*. Онъ былъ и у андреевскаго пресвитера Еф. Алек. Бучнева, покачнушагося къ водному крещенію, бесѣдовалъ почти всю ночь: по рассказамъ его односельцевъ, говорятъ, онъ покачнулся назадъ. Спасибо, спасибо, еще спасибо тебѣ, Василій Егоровичъ за твою любовь, что ты посѣтилъ насъ несчастныхъ и спящихъ! Да наградитъ тебя за это Господь наградою Своею, которой нѣтъ дорожки въ челоуѣцахъ на землѣ. 21 февраля мы проводили его, а 2 марта Богъ послалъ намъ

изъ сел. Воронцовки проповѣдника Степана Алексѣевича Жабина. О немъ напишу потомъ подробно“.

Братъ по духу *И. М. Рудаковъ.*

Изъ Баку: „Въ нашемъ молодомъ собраніи Т. Х. Лавреновъ и И. Н. Михайловъ ближайшаго участія не принимаютъ, я же руководителемъ не считаюсь и вообще у насъ руководителя нѣтъ и мы его не желаемъ имѣть. Мы, молодежь, такого мнѣнія: мы между собою братья равные, наставниковъ, руководителей, учителей и тому подобныхъ кличекъ между нами не должно даже именоваться, ибо Одинъ у насъ Наставникъ, Руководитель и Учитель; всѣ же мы братья“.

Илья Тим. Лебешовъ.

Редакторъ-издатель врачъ **А. С. Прохановъ.**

СОДЕРЖАНІЕ № 4-го (апрѣль):

	СТР.
1. О любви святая.—Стихотвореніе,—Т. Г. Панкратовъ	3.
2. О постѣ.—Ф. А. Желтова	4.
3. Воспоминаніе объ одной могилѣ.—Земнородный.	8.
4. Тайное евангеліе.—Т	25.
5. О духовныхъ школахъ.—Платонова	33.
6. О разныхъ вѣрахъ. Письма—П. И. Вирюкова	38.
7. Загадки.—А. Степановъ и И. М. Дружининъ	56.
8. Въ вертоградѣ	57.

Принимается подписка на журналъ на 1907-й годъ. Письма, статьи для напечатанія и деньги за журналъ нужно присылать по слѣдующему адресу: *почт. от. Лопухинка, Петерго夫скаго уѣзда, врачу Александру Степановичу Проханову.*